

СЕМЬИ. ПОХИЩЕНИЯ. ПРОМЫВАНИЕ МОЗГОВ.

Механизм СТИГМЫ

Как антикультовое движение
переписало свободу

КОДИ СТЕРН

**Механизм стигмы: как
антикультовое движение
переписало свободу**

Коди Стерн

В книге сочетаются документальные фрагменты и художественная реконструкция. Там, где точные слова и действия участников неизвестны, сцены и диалоги воссозданы автором. Некоторые персонажи являются собирательными образами, отдельные детали изменены.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Эволюция ярлыка

Глава 2. Иллюзия контроля

Глава 3. Индустрия похищений

Глава 4. Сеть

Глава 5. Пепел Уэйко

Глава 6. Архитекторы разума

Глава 7. Банкротство системы

Глава 8. Эхо-камера и новые мишени

Глава 9. Теневая франшиза

Глава 10. Разделенные штаты

Пролог

Фургон без окон резко затормозил на влажном асфальте пригорода Сиэтла. Был ноябрь 1988 года. Двадцатидвухлетний студент колледжа, возвращавшийся с вечерней подработки, даже не успел повернуть голову, когда боковая дверь отъехала в сторону. Двое крепких мужчин в куртках без опознавательных знаков схватили его за руки, профессионально лишая равновесия, и втащили в темное нутро автомобиля. Дверь захлопнулась. Крики о помощи потонули в реве двигателя.

Если бы случайный прохожий стал свидетелем этой сцены, он бы немедленно позвонил в полицию, сообщив о дерзком похищении. Но полиция, даже если бы и приехала, скорее всего, не стала бы вмешиваться. Потому что на переднем сиденье фургона, нервно сжимая сумочку, сидела мать похищенного парня. Она выписала чек на десять тысяч долларов людям, которые сейчас прижимали ее сына к полу. Она верила, что спасает его.

Внутри фургона не было преступников в классическом понимании этого слова. Там находились «депрограммисты» — представители новой, стремительно набирающей силу индустрии, которая обещала американским семьям вернуть их детей из лап так называемых «деструктивных культов». Их методы включали похищение, лишение сна, психологическое давление, а иногда и физическое насилие. Их оправдание базировалось на одной мощной, но научно не доказанной концепции: жертва была лишена свободы воли из-за «промывания мозгов», а значит, для ее спасения любые средства хороши.

Как Соединенные Штаты Америки — страна, чья конституция зиждется на абсолютной свободе вероисповедания и слова, — позволили сформироваться теневой правовой зоне, где похищение человека стало считаться терапией?

Эта книга — не защита радикальных религиозных групп или эксцентричных коммун. Это вскрытие «Механизма».

Глава 1. Эволюция ярлыка

В конце ноября 1978 года американские газетные киоски пестрели заголовками, набранными максимально крупным, кричащим шрифтом. Журналы *Time* и *Newsweek* вышли с пугающими обложками, посвященными трагедии в Джонстауне, Гайана, где более девятисот американских граждан расстались с жизнью. Редакторам ведущих изданий в те дни требовалось слово — короткое, хлесткое, способное уместиться в узкие колонки первых полос и одновременно передать весь ужас произошедшего. Словосочетание «новое религиозное движение» было слишком длинным и академичным. Слово «коммуна» отдавало безобидной романтикой хиппи шестидесятых.

Им требовалось нечто иное. Слово, которое звучало бы как удар хлыста. И после Джонстауна именно слово «культ» стало одним из главных медийных ярлыков для описания подобных групп.

В этот период в американском информационном пространстве произошёл заметный сдвиг, последствия которого ощущались ещё долго. Лингвистическая мутация одного термина запустила механизм, который в последующие десятилетия сломает тысячи судеб, разорит сотни организаций и создаст в стране, гордящейся своей Первой поправкой, беспрецедентную атмосферу паранойи. Чтобы понять, как именно Соединенные Штаты оказались в этой ловушке, необходимо вернуться к истокам — в то время, когда слова еще не были заряжены порохом.

Осенью 1904 года выдающийся немецкий социолог Макс Вебер путешествовал по Соединенным Штатам. Он посещал мегаполисы Восточного побережья, промышленные центры Среднего Запада и небольшие фермерские городки, внимательно изучая американскую религиозную жизнь. Для Вебера, как и для всей классической социологии того времени, термины «секта» и «культ» были абсолютно нейтральными, рабочими инструментами исследователя. Они не содержали в себе ни капли морального осуждения или криминального подтекста.

Вебер стал одним из главных разработчиков фундаментального для социологии религии разделения между «церковью» и «сектой». Церковь, по его

определению, — это институт, в который человек попадает по праву рождения. Это структура, тесно связанная с государством и обществом, охватывающая массы. Секта же (от латинского *secta* — школа, направление, учение) — это добровольное объединение. Это группа людей, которые сознательно выбрали определенный путь и отделились от большинства ради более строгого или иного следования своим идеалам.

Шведский исследователь Бертил Перссон в своей работе предельно точно описывает изначальную чистоту этого понятия: «В XI–XVII вв. слово «секта» используется как синоним литературной, философской, политической или религиозной школы мысли или (секретного или приватного) общества. Итак, некий философский кружок, тайное религиозное собрание христиан, литературный салон, орден (как в значении филантропического общества, так и в значении подразделения Католической церкви) и даже политическая партия могут быть названы “сектами”».

Для социологов начала двадцатого века Америка была страной, построенной сектами. Квакеры, пуритане, баптисты — все они изначально подпадали под это социологическое определение. Слово «культ» использовалось еще реже и обозначало просто специфическую систему религиозного поклонения или ритуалов внутри более широкой традиции (например, «культ Девы Марии» в католицизме).

Доктор философских наук, профессор И. Я. Кантеров так описывает этот период академической сдержанности: до середины 1970-х термин «cult» в основном оставался в специальной литературе, а затем начал активно переходить в массмедиа, где быстро получил сенсационно-негативную окраску.

Что же произошло в семидесятых? Американское общество столкнулось с последствиями культурной революции предыдущего десятилетия. Традиционные институты теряли часть прежнего авторитета. Тысячи молодых людей отправлялись на поиски духовных альтернатив. Они уезжали в ашрамы, присоединялись к христианским коммунам, медитировали, пели мантры и читали тексты, незнакомые их родителям. Именно в 1960–1970-е годы в США возникло множество заметных новых религиозных движений, а в 1970-е оформилось и антикультовое движение как ответ на это явление.

Для части консервативного американского среднего класса это выглядело как безумие. Родители не могли понять, почему их дети, которым была уготована понятная траектория «колледж — корпорация — ипотека», вдруг выбирали жизнь в сельскохозяйственной коммуне в Калифорнии или раздавали религиозную литературу в аэропортах. Возник колоссальный запрос на простое, понятное объяснение этого сложного социального феномена. И медиа с готовностью предоставили это объяснение, упаковав его в одно короткое слово.

Профессор Кантеров показывает, как работал этот медийный механизм: в массовой печати слово «культ» оказалось удобным из-за краткости, эмоциональности и лёгкости соединения с пугающими формулами вроде «суицидальный культ» (suicidal cult). В результате оно быстро превратилось в клише, заранее предполагающее обман, манипуляцию, опасного лидера и разрушение семей.

Как только ярлык был отлит в типографском металле, начал работать один из самых разрушительных психологических механизмов — «вина по ассоциации».

Рассмотрим конкретный пример из начала восьмидесятых. В небольшом городке на Среднем Западе группа молодых людей, принадлежащих к так называемому «Движению Иисуса» (Jesus Movement), решает купить заброшенную ферму, чтобы жить там коммуной, выращивать овощи и изучать Библию. Десятью годами ранее местные жители, возможно, сочли бы их чудаками, но не более того. Однако теперь, после массовой медийной накачки, в городском совете начинается паника.

В этом заключается высокая эффективность стигматизации. Ярлык стирает любые индивидуальные различия. Он уничтожает нюансы. Мирная сельскохозяйственная община, группа любителей йоги, студенческий кружок по изучению восточной философии — все они внезапно оказываются в одной смысловой корзине с радикальными экстремистами и террористами. Обществу больше не нужно разбираться в теологии, уставе или реальных действиях конкретной группы. Достаточно того, что на нее наклеен ярлык.

Массимо Интровинье, основатель Центра изучения новых религий, предупреждал о скрытой угрозе этого процесса: нетерпимость опасна не столько тем, чем она является сегодня, сколько тем, к чему она может привести завтра.

В последующие годы трансформация слова «культ» из описательного термина в обвинительный ярлык привела к формированию важного принципа антикультовой риторики: оспариванию права группы на самоописание.

В здоровом демократическом обществе субъект сам определяет свою идентичность. Группа заявляет: «Мы — религиозная община» или «Мы — философская школа». Государство и общество оценивают группу исключительно по ее действиям: нарушают ли они закон, платят ли налоги, совершают ли преступления.

Но ярлык «культ» перевернул эту презумпцию с ног на голову. Поскольку одним из «типичных признаков» культа, растиражированных СМИ, была «ложь и обман», любые заявления самой группы автоматически объявлялись недействительными. Если члены общины говорили: «Мы счастливы здесь, мы находимся здесь добровольно», антикультовые активисты отвечали: «Они так говорят, потому что они в культе, их заставили так говорить». Если группа пыталась защищать свои права в суде, это трактовалось как «агрессивная юридическая война, типичная для культов». Если группа игнорировала нападки и замыкалась в себе, это преподносилось как «доказательство их опасной скрытности».

Это была идеальная, герметичная логическая ловушка. Кафкианский процесс, в котором обвиняемый лишался голоса просто по факту предъявленного обвинения. Право определять, кто является легитимной религией, а кто — «опасным культом», было изъято у самих верующих, у религиоведов и даже у судей. Это право узурпировала новая, быстро формирующаяся каста самопровозглашенных «экспертов по культам».

Именно об этой опасности предупреждают исследователи природы стигматизации: «Это особенно актуально, если вы слышите, как кто-то обвиняет группу, организацию, политическую фигуру или отдельного человека, используя термины «культ» или «секта». Это тревожный сигнал, указывающий, что перед вами манипулятор, который пытается воспользоваться вашим

доверием. Такой человек или организация, вероятнее всего, сознательно применяют методы дегуманизации и стигматизации, чтобы внушить страх, отвращение и, самое главное, чувство превосходства... Таким образом, манипулятор заменяет объективное обсуждение стигмами и предвзятыми обвинениями, блокируя вашу способность самостоятельно анализировать ситуацию.»

Дегуманизация — ключевое слово в этом процессе. Когда человека называют «сектантом» или «членом культа», он перестает быть гражданином, обладающим конституционными правами. Он превращается в объект. В инфицированного носителя опасного вируса, которого нужно изолировать ради блага общества. И ради его собственного блага, разумеется.

К началу восьмидесятых годов этот лингвистический вирус начал проникать из газетных заголовков и телевизионных ток-шоу в залы судебных заседаний. Адвокаты, представляющие интересы обеспокоенных родственников, начали использовать слово «культ» в гражданских исках, требуя установления опеки над совершеннолетними людьми исключительно на основании их религиозного выбора. Судьи, читающие те же газеты и смотрящие те же новости, оказались под колоссальным давлением общественного мнения.

Научное сообщество, наблюдавшее за тем, как их нейтральные термины превращаются в орудия социальной инквизиции, попыталось нажать на тормоза. Социологи и религиоведы осознали, что если юридическая система США официально признает существование некоего криминологического феномена под названием «культ», Первая поправка к Конституции превратится в пустую формальность.

В архивах Американской социологической ассоциации и Общества научного изучения религии (SSSR) сохранились документы того времени, отражающие нарастающую тревогу академического сообщества. Группа ведущих социологов религии, готовившая материалы для юридических инстанций, прямо указывала: использование термина «культ» в правовом и судебном контексте не имеет надёжной эмпирической и научной основы. Исследователи подчёркивали, что в современной социологии отсутствуют общепринятые критерии, позволяющие чётко отделить так называемый «культ» от легитимного нового религиозного движения.

Особую обеспокоенность у них вызывало то, что этот термин всё чаще использовался не как аналитическое понятие, а как негативный ярлык, заранее формирующий предубеждение у судей и присяжных. С их точки зрения, закрепление такого языка в судебной практике создавало опасный прецедент: конституционное право на свободу вероисповедания начинало зависеть не от соблюдения закона, а от степени общественной приемлемости той или иной группы.

Эти документы легли на столы судей и законодателей. Но к тому моменту ярлык уже начал жить собственной жизнью, а индустрия, построенная на страхе перед ним, готовилась перейти от слов к действиям. Механизм был запущен.

Если хочешь, я могу сделать ещё более жёсткий, книжный вариант — с тем же смыслом, но плотнее и сильнее по ритму.

Глава 2. Иллюзия контроля

24 сентября 1950 года читатели американской газеты *Miami Daily News* столкнулись с термином, который впоследствии сильно повлиял на западную психологию, юриспруденцию и поп-культуру. Статья Эдварда Хантера вышла под заголовком о новых тактиках коммунистического режима в Китае. В этом тексте Хантер ввёл в широкий англоязычный оборот словосочетание *brain-washing* — «промывание мозгов».

Он утверждал, что это связано с китайским выражением *xǐnǎo*, буквально — «мыть мозг» или «очищать сознание». Историки отмечают, что этот перевод и сама концепция быстро приобрели в США политически нагруженный, холодновоенный смысл.

Для американского общества начала пятидесятых годов эта статья стала идеальным ответом на самый болезненный вопрос эпохи. Шла Корейская война. Соединенные Штаты столкнулись с необъяснимым и шокирующим феноменом: американские военнопленные, оказавшиеся в китайских и северокорейских лагерях, выступали по радио с признаниями в применении

бактериологического оружия и публично отрекались от капиталистических ценностей. Некоторые из них после окончания боевых действий даже отказались возвращаться на родину.

Американская общественность отказывалась верить, что их солдаты могли добровольно предать свою страну. Традиционные объяснения — страх, пытки, истощение — казались недостаточными для объяснения столь глубокой смены идеологии. Требовалось нечто более зловещее, нечто, снимающее с солдат вину за предательство. Концепция «промывания мозгов» подошла идеально. Она превращала военнопленных из изменников в жертв невидимого, высокотехнологичного психологического оружия.

Однако за фасадом сенсационной журналистики скрывалась иная реальность. Эдвард Хантер не был просто независимым репортером, исследующим азиатские диалекты. Он являлся кадровым сотрудником Управления стратегических служб (УСС) — предшественника Центрального разведывательного управления (ЦРУ), а затем работал в отделе пропаганды. Термин «промывание мозгов» был не результатом строгих научных или психиатрических исследований. Он был сконструирован как инструмент антикоммунистической пропаганды, призванный демонизировать противника и объяснить неудобные факты поведения собственных граждан.

В лагерях для военнопленных действительно применялись жестокие методы: лишение сна, голод, многочасовые допросы, угрозы расстрела, изоляция и физическое насилие. Солдаты ломались под тяжестью вполне осязаемых, материальных пыток, а не из-за применения секретных психологических кодов. Но миф оказался сильнее фактов. Концепция невидимого контроля над разумом начала свое триумфальное шествие по страницам газет, романов и голливудских сценариев.

Спустя два десятилетия этот пропагандистский конструкт времен холодной войны совершил неожиданный и разрушительный кульбит. Из джунглей Юго-Восточной Азии он перекочевал в благополучные американские пригороды.

К середине семидесятых годов Соединенные Штаты переживали бум новых религиозных движений. Молодые люди массово покидали родительские дома, отказывались от престижного образования и карьерных перспектив ради жизни

в коммунах, изучения восточной философии или проповедования на улицах. Для их родителей, представителей консервативного среднего класса, это было равносильно потере детей. Они обращались в полицию, но закон был бессилён: Первая поправка к Конституции США гарантирует абсолютную свободу вероисповедания, а совершеннолетние граждане имеют право жить там, где хотят, и верить в то, во что хотят.

Именно в этот момент зарождающееся антикультовое движение осознало: чтобы обойти Конституцию, им нужен инструмент, способный доказать, что выбор этих молодых людей не является добровольным. Им нужно было доказать, что свобода воли была уничтожена.

Теория контроля сознания, широко известная как «промывание мозгов», рассматривает веру либо как несуществующее явление, либо как незаконное воздействие на личность. В этом контексте депрограммирование подаётся как метод избавления от предполагаемого «программирования» сознания, которое, по мнению сторонников этой теории, происходит под влиянием деструктивных групп. Суть подхода заключается в том, что с помощью специальных техник можно вернуть человеку его первоначальное, «свободное» мышление и освободить его от навязанных идей и убеждений.

Адаптация термина Эдварда Хантера к мирной жизни потребовала определенной лингвистической эквилибристики. Антикультовые активисты начали утверждать, что новые религиозные движения используют те же самые методы, что и китайские коммунисты, но в скрытой форме. Утверждалось, что монотонное пение мантр, изменение диеты, интенсивные лекции и групповая динамика способны произвести тот же эффект, что и пытки в лагере для военнопленных.

Эта логическая подмена создала беспрецедентный правовой парадокс. Если человек лишен свободы воли из-за «промывания мозгов», значит, он не способен принимать адекватные решения. Следовательно, его необходимо спасать, даже если он сам этого не хочет. Эта концепция стала индульгенцией на совершение тяжких уголовных преступлений, замаскированных под терапию.

Во многих случаях, стремясь «спасти» своих близких, родственники прибегали к жестокой практике насильственного удержания и подвергали

человека физическому и психологическому насилию, заставляя его отречься от своей веры. Возникла целая теневая индустрия так называемых «депрограммистов» — людей, которые за солидное вознаграждение брались вырвать жертву из группы и вернуть ей «истинное» сознание.

Стивен Хассан, бывший член Церкви объединения, позднее сам писал о практике депрограммирования как о захвате человека, перевозке в секретное место и круглосуточном контроле. Практика депрограммирования была не просто незаконной; она представляла собой зеркальное отражение тех самых методов, в которых антикультисты обвиняли новые религиозные движения. Чтобы «освободить» разум человека, его подвергали реальному, а не вымышленному физическому и психологическому террору.

По ряду источников, в 1976 году Стивен Хассан участвовал в насильственном депрограммировании члена Церкви объединения (инициалы А.Р.), которого он похитил и удерживал против его воли в Ютике, штат Мичиган. А.Р. сбросили на пол, связали по рукам и ногам и лишили сна на три дня. В течение 72 часов Хассан и его сообщник по очереди оскорбляли и унижали А.Р., даже угрожая ввести ему серию инъекций, если он откажется отречься от своей религии.

Когда подобные дела начали доходить до судов, антикультовому движению потребовалась мощная линия защиты. Адвокаты депрограммистов и обеспокоенных родителей не могли просто заявить судье, что похищение было оправдано религиозными разногласиями. Им требовалась научная легитимизация. Им нужно было, чтобы концепция «промыывания мозгов» получила статус официально признанного медицинского и психологического диагноза.

Началась масштабная кампания по внедрению концепции «контроля сознания» в судебную практику США. Антикультисты пытались убедить присяжных, что их жертвам «промыли мозги» в «опасной секте». Они похищали жертв, держали их в плену неделями и подвергали психологическому давлению с целью сломать жертву и подчинить её своей воле, превратив в послушного отступника. Несмотря на эти действия, они утверждали перед судьями, что всего лишь «пытались помочь» этому «зомби с промытыми мозгами».

В залах судебных заседаний начали появляться самопровозглашённые «эксперты по культам». Они выступали в качестве свидетелей-специалистов, заявляя под присягой, что могут диагностировать наличие так называемого «контроля сознания» или «coercive persuasion» у человека, проанализировав литературу группы, к которой он принадлежал, или проведя с ним короткую беседу. Проблема заключалась в том, что во многих американских судах того времени действовали стандарты допустимости научных доказательств, в том числе стандарт Фрая, требовавший, чтобы экспертные показания основывались на теориях, получивших общее признание в соответствующем научном сообществе.

Академическая психология и социология того времени относились к терминам «промывание мозгов» и «контроль сознания» с заметным скепсисом. Исследователи указывали, что эмпирически доказать полное подавление автономии личности в религиозном обращении крайне трудно, особенно без физического принуждения. Более того, исследования новых религиозных движений показывали высокую текучесть: во многих группах значительная часть людей уходила добровольно, нередко в течение первого года или двух, что плохо согласовывалось с представлением о необратимом «контроле сознания».

Понимая, что без официального одобрения научного сообщества их судебная стратегия обречена на провал, лидеры антикультового движения предприняли беспрецедентную попытку захвата академического дискурса. Главной мишенью стала Американская психологическая ассоциация (АПА) — крупнейшая и наиболее авторитетная профессиональная организация психологов в Соединенных Штатах.

В начале 1980-х годов группа психологов и психиатров, симпатизирующих антикультовому движению, инициировала создание специального комитета внутри АПА. Их целью было подготовить официальный отчет, который признал бы существование «промывания мозгов» и «контроля сознания» в новых религиозных движениях научно доказанным фактом. Если бы АПА утвердила такой документ, суды по всей стране могли бы принимать показания антикультовых экспертов как непреложную научную истину. Похищения и насильственное удержание людей получили бы железобетонное медицинское обоснование.

В 1983 году АПА создала Целевую группу по обманным и косвенным методам убеждения и контроля (Task Force on Deceptive and Indirect Methods of Persuasion and Control), сокращенно — DIMPAC. Возглавила группу Маргарет Сингер, клинический психолог и один из самых активных сторонников теории «промывания мозгов», регулярно выступавшая экспертом на судебных процессах против религиозных меньшинств.

На протяжении нескольких лет группа DIMPAC работала над созданием документа, который должен был стать библией антикультового движения. В отчете описывались различные стадии психологического манипулирования, утверждалось, что новые религиозные движения используют гипноз, сенсорную депривацию и другие методы для разрушения личности своих адептов. Документ был написан безапелляционным тоном и претендовал на статус фундаментального научного труда.

Однако процедура утверждения документов в АПА требовала независимого рецензирования. Отчет DIMPAC был передан на экспертизу в Совет по социальной и этической ответственности в психологии (Board of Social and Ethical Responsibility for Psychology — BSERP). Совет привлек к оценке документа ведущих независимых социологов, психологов и специалистов по методологии науки.

То, что произошло дальше, стало одним из самых значимых, но наименее известных широкой публике событий в истории американской юриспруденции и психологии. Независимые рецензенты подвергли отчет DIMPAC разгромной критике. Они обнаружили, что документ не выдерживает никакой критики с точки зрения научной методологии. В нем отсутствовали контрольные группы. Выводы базировались исключительно на анекдотических свидетельствах и интервью с бывшими членами групп, которые уже прошли через процедуру депрограммирования (что само по себе искажало их воспоминания и восприятие). Рецензенты указали, что авторы отчета игнорируют огромный массив социологических данных, доказывающих добровольный характер участия людей в новых религиозных движениях.

Один из рецензентов прямо заявил, что отчет больше похож на идеологический манифест, чем на научное исследование, и что использование

термина «промывание мозгов» в контексте религиозного обращения является научно несостоятельным.

11 мая 1987 года Совет по социальной и этической ответственности в психологии (BSERP) вынес своё решение. Американская психологическая ассоциация официально отклонила отчёт DIMPAC. В меморандуме содержалась формулировка, ставшая ключевой: «в целом, отчёту не хватает научной строгости и беспристрастного критического подхода, необходимых для получения одобрения АПА». BSERP также заявил, что имеющейся информации недостаточно для того, чтобы Ассоциация заняла позицию по этому вопросу.

Более того, АПА пошла дальше простого отклонения отчета. Ассоциация официально отозвала свое имя из любых судебных процессов, где концепция «промывания мозгов» использовалась для оправдания принудительного удержания или опеки над совершеннолетними верующими. АПА подала так называемые записки *amicus curiae* (друга суда) в несколько апелляционных судов, прямо заявляя, что теория Маргарет Сингер и ее сторонников не признана научным сообществом и не должна допускаться в качестве экспертных показаний.

Это был сокрушительный удар. Высший авторитет в области психологии в США официально признал, что концепция, на которой строилась вся индустрия депрограммирования и антикультового активизма, является псевдонаучной фикцией. Без поддержки АПА показания антикультовых экспертов в судах начали рассыпаться. Судьи, опираясь на решение ассоциации, стали отказывать в приобщении к делу теорий о «контроле сознания», указывая на их несоответствие стандартам научной достоверности.

Казалось бы, на этом история должна была закончиться. Наука сказала свое веское слово. Пропагандистский конструкт, искусственно натянутый на сложную социальную реальность американской религиозной жизни, был отвергнут профессионалами. Практика похищений лишилась своего главного интеллектуального алиби.

Но реальность оказалась гораздо мрачнее и парадоксальнее. Отклонение отчета DIMPAC стало триумфом академической честности, но оно не смогло

остановить запущенный механизм. Идеология уже оторвалась от своих псевдонаучных корней и зажила самостоятельной жизнью в массовом сознании.

Если официальная наука признала «промывание мозгов» мифом, лишенным эмпирической базы, почему суды низших инстанций, пресса и множество обывателей продолжили верить в него с религиозным фанатизмом? Каким образом концепция, изгнанная из кабинетов ученых, смогла не только выжить, но и стать фундаментом для создания мощной, разветвленной сети организаций, чье влияние вскоре выйдет далеко за пределы Соединенных Штатов?

Глава 3. Индустрия похищений

Спрос рождает предложение. Эта базовая экономическая аксиома безотказно работает не только на рынках товаров и услуг, но и в сфере человеческих страхов. К началу восьмидесятых годов американское общество оказалось пропитано тревогой. Родители, чьи дети внезапно отказывались от привычной траектории американской мечты ради жизни в новых религиозных движениях, находились в состоянии отчаяния. Они обращались в полицию, но получали вежливый отказ: совершеннолетние граждане имели полное конституционное право уходить из дома и верить во что угодно. Они обращались к психиатрам, но сам по себе переход в новое религиозное движение обычно не давал оснований для принудительной госпитализации.

Возник вакуум — юридический, медицинский и социальный. И этот вакуум стремительно заполнила новая, агрессивная и высокодоходная индустрия. Индустрия, которая предложила простым американским семьям радикальное решение их проблемы. Если закон не позволяет вернуть ребенка домой легально, значит, это нужно сделать силой, оправдав насилие благими намерениями. Так зародилась практика, получившая стерильное, технократическое название «депрограммирование».

У истоков этого явления стоял человек, чье имя в семидесятых и восьмидесятых годах стало нарицательным в среде обеспокоенных родителей. Его звали Тед Патрик. Не имея ни психологического, ни медицинского, ни теологического образования, он обладал невероятной харизмой и жесткой, беспопыточной уверенностью в своей правоте. Патрик, получивший в прессе прозвище «Черная молния» за стремительность своих операций, стал одной из ключевых фигур раннего антикультового движения и фактически превратил депрограммирование в узнаваемую практику и источник заработка.

Его философия была простой: члены новых религиозных движений, по его мнению, утратили способность к самостоятельному суждению. Следовательно, с ними нельзя вести обычный диалог. Их нужно физически изъять из привычной среды, изолировать и подвергнуть интенсивному психологическому давлению, пока их прежняя личность не «прорвется» сквозь навязанную программу. Патрик открыто признавал, что его методы нарушают закон, но называл это «необходимым злом».

То, что начиналось как единичные, почти кустарные акции отчаявшихся родственников, очень быстро эволюционировало в стандартизированный, отлаженный процесс. Депрограммирование перестало быть импровизацией и превратилось в четко структурированную тактическую операцию, состоящую из нескольких обязательных этапов.

Первым этапом всегда была слежка. Нанятые специалисты, часто бывшие частные детективы или люди с криминальным прошлым, неделями изучали маршруты жертвы. Они фиксировали время выхода из дома, места работы или проповеди, оценивали количество сопровождающих лиц.

Вторым этапом становился силовой захват. Обычно он происходил в безлюдном месте или, наоборот, в толпе, где внезапность парализовывала свидетелей. Жертву сбивали с ног, заламывали руки, затапливали в фургон без окон и немедленно увозили за пределы штата, чтобы усложнить работу местной полиции, если кто-то из прохожих все же успевал заявить о похищении.

Третий этап — изоляция. Для удержания чаще всего использовались дешевые мотели на окраинах небольших городов или арендованные загородные дома. Помещение заранее подготавливалось: окна заколачивались досками или

наглухо закрывались плотными шторами, телефонные провода перерезались, с дверей снимались внутренние замки.

Внутри этих заколоченных комнат разворачивались сцены, больше напоминающие допросы военнопленных, чем семейную терапию. Базовым инструментом депрограммистов было лишение сна. Жертве не давали спать сутками, постоянно меняя бригады «консультантов». На человека кричали, его оскорбляли, высмеивали его убеждения, рвали на его глазах священные тексты. Физическое истощение должно было сломить психологическую защиту. Если жертва пыталась молиться или медитировать, применялось физическое воздействие: человека трясли, обливали холодной водой, заставляли стоять в неудобных позах.

Поразительным парадоксом этой индустрии был профиль людей, которым уважаемые американские семьи доверяли жизни своих детей. Родители, готовые на все ради спасения чада от «опасной секты», нанимали лиц, чьи биографии изобиловали реальными уголовными преступлениями.

Ярким примером служит ранняя карьера Рика Алана Росса, который впоследствии станет одним из самых известных антикультовых экспертов в США. До того, как надеть костюм специалиста по депрограммированию, Росс занимался деятельностью, далекой от спасения душ. Двадцать третьего июля 1975 года в городе Финикс он вместе с сообщником совершил дерзкое ограбление ювелирного магазина. Преступники похитили 306 ювелирных изделий, используя классический метод террора: они угрожали продавцу коробкой, в которой якобы находилась готовая взорваться бомба. Второго апреля 1976 года суд приговорил Росса к четырем годам тюремного заключения за кражу со взломом и крупную кражу. Выйдя на свободу, бывший грабитель быстро осознал, что теневой рынок депрограммирования предлагает гораздо большие деньги при значительно меньших рисках, ведь заказчиками выступали сами родственники жертв, готовые покрывать любые действия наемников.

Эти услуги стоили колоссальных денег. Депрограммисты требовали гонорары, исчисляемые десятками тысяч долларов, не считая расходов на аренду автомобилей, мотелей, оплату охранников и питание. Семьи брали вторые ипотеки, опустошали пенсионные счета и влезали в неподъемные долги, искренне веря, что покупают спасение.

Документальная история сохранила множество свидетельств того, как эта индустрия разрушала семьи, которые обещала спасти. Тридцатого мая 1976 года газета *The New York Times* опубликовала подробный разбор дела мистера и миссис Элтон Хеландер из Гилфорда, штат Коннектикут. Их дочь Венди присоединилась к Церкви объединения. Не в силах смириться с выбором совершеннолетней дочери, родители наняли команду Теда Патрика.

Первое похищение Венди прямо из церковного центра обернулось провалом. Девушка выдержала давление, отказалась менять свои убеждения и при первой же возможности сбежала, вернувшись в общину. Хеландеры, уверенные, что их дочь удерживают силой, подали в суд на Церковь объединения. Однако судья, изучив материалы дела, отклонил иск, постановив, что родители не смогли предоставить никаких доказательств того, что религиозная организация осуществляла «контроль или принуждение» по отношению к Венди.

После суда девушка сделала публичное заявление. Она сказала, что по-прежнему любит своих родителей, но больше не может им доверять. Ее слова оказались пророческими. Спустя некоторое время Хеландеры предприняли вторую попытку. Они пригласили дочь на мирную прогулку, которая оказалась тщательно спланированной засадой. Венди снова похитили. На этот раз ее удерживали в неволе около трех месяцев. Депрограммисты постоянно перевозили ее из одного секретного места в другое, замечая следы и скрываясь от возможного преследования. Три месяца непрерывного психологического давления, изоляции и страха.

В конце концов Венди удалось совершить побег и снова вернуться в свою общину. С того дня Хеландеры больше никогда не видели свою дочь и не слышали ее голоса. Они потратили около 40 000 долларов (огромная сумма для середины семидесятых годов) на судебные издержки, оплату услуг депрограммистов и логистику похищений. Семья оказалась на грани финансового краха, погрязнув в долгах. Но самым страшным был их психологический отрыв от реальности. Даже потеряв дочь навсегда, они продолжали повторять заученные мантры антикультового движения: «Всё, чего мы хотим для нашей дочери, — это её свободы. Мы должны спасти её разум». Сама Венди, навсегда травмированная предательством самых близких людей,

заявила, что надеется на примирение только в одном случае: если родители «будут готовы принять тот факт, что это именно то место, где я хочу быть».

Возникает закономерный вопрос: как правоохранительная система США, страны с глубоко укоренившимися традициями защиты гражданских свобод, позволяла этому происходить? Почему полиция не штурмовала мотели, где неделями удерживали связанных людей?

Ответ кроется в изощренной юридической лазейке, которую антикультовое движение научилось виртуозно эксплуатировать. Эта лазейка называлась институтом опекунов.

Исторически законы об опекунов создавались для защиты уязвимых слоев населения — например, пожилых людей с тяжелой деменцией или лиц с глубокими врожденными психическими нарушениями, которые физически не могли распоряжаться своим имуществом или принимать решения о лечении. Процедура предполагала, что суд передает права на управление жизнью такого человека его родственникам или назначенным государством лицам.

Адвокаты, сотрудничающие с депрограммистами, начали применять этот механизм к абсолютно здоровым молодым людям. Схема работала следующим образом. В пятницу во второй половине дня, перед самым закрытием судов на выходные, адвокат родителей подавал экстренное ходатайство о назначении временного опекуна. Слушания проходили *ex parte* — то есть в одностороннем порядке, без присутствия самой жертвы и ее представителей.

Судье предоставлялись письменные показания родителей, полные слез и ужасающих (часто сфабрикованных или преувеличенных) деталей о том, что их ребенок находится в смертельной опасности, голодает, склонен к суициду и полностью лишен свободы воли из-за «промывания мозгов». К делу прикладывались аффидевиты самопровозглашенных «экспертов по культам», подтверждающие этот диагноз. Под давлением эмоций и опасаясь взять на себя ответственность за возможную гибель молодого человека, судьи подписывали временный ордер на опекуна сроком на 30 дней.

С этого момента похищение могло приобретать видимость законности. Совершеннолетний гражданин США временно лишался возможности свободно распоряжаться собственной жизнью. Именно это сочетание семейного страха,

спорной экспертной риторики и экстренных судебных процедур делало депрограммирование особенно опасным для гражданских свобод.

Последствия этой практики для жертв были катастрофическими. Независимо от того, заканчивалось ли депрограммирование «успехом» (то есть сломом личности и отказом от веры) или жертве удавалось сбежать, психологический урон оставался навсегда.

Клинические психологи, впоследствии работавшие с жертвами насильственного депрограммирования, фиксировали у них тяжелейшие формы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Симптоматика была идентична той, что наблюдается у заложников террористов или жертв длительного домашнего насилия: панические атаки, хроническая бессонница, флешбэки, тяжелая депрессия и суицидальные мысли.

Но самым разрушительным последствием был феномен, который специалисты называют «травмой убежища». Базовое чувство безопасности любого человека строится на доверии к семье. Родители воспринимаются как абсолютный тыл. Когда этот тыл превращается в источник смертельной угрозы, когда мать или отец хладнокровно наблюдают, как нанятые ими уголовники связывают их ребенка и лишают его сна, психика жертвы получает непоправимый удар. Фундамент доверия к миру рушится. Семьи, которые нанимали депрограммистов, чтобы «вернуть» своих детей, в абсолютном большинстве случаев теряли их навсегда. Даже если ребенок под пытками отказывался от своей религии, он редко мог простить родителям то, через что они заставили его пройти.

Индустрия похищений процветала, питаясь страхом и родительскими деньгами. Она создала замкнутую экосистему, где насилие оправдывалось заботой, а преступники примеряли на себя маски спасителей. И пока в залах судов адвокаты жонглировали терминами о контроле сознания, реальные люди продолжали исчезать с улиц американских городов.

В комнате пахло застарелым сигаретным дымом, потом и дешевым освежителем воздуха. Настенные часы с логотипом пивного бренда показывали 3:14 ночи. Это были третьи сутки.

Двое охранников, нанятых за двести долларов в день, дремали в креслах у входной двери, тяжело дыша во сне. Телевизор работал без звука, освещая их лица мерцающим синим светом. В соседней комнате, за тонкой гипсокартонной стеной, спали родители.

Молодой человек медленно, стараясь не скрипеть пружинами, спустил босые ноги с кровати. Его запястья были стерты до крови от пластиковых стяжек, которые сняли всего пару часов назад, когда он, рыдая, пообещал, что больше не будет пытаться бежать и готов выслушать лекцию утром. Голова гудела от семидесяти часов без сна. Каждое движение отдавалось тупой болью в мышцах.

Он сделал шаг к окну. Плотные шторы были задернуты, но он знал, что за ними — стекло, а за стеклом — парковка мотеля. Оконная рама не была заколочена — депrogramмисты поленились возиться с инструментами на третьем этаже, посчитав высоту достаточной гарантией безопасности.

Он осторожно отодвинул край шторы. Замок на раме поддался с тихим щелчком. В комнату ворвался ледяной ноябрьский воздух. Один из охранников всхрапнул и пошевелился, но не открыл глаз.

Молодой человек перекинул ногу через подоконник. Внизу, в свете желтого фонаря, блестела крыша припаркованного фургона. До нее было около трех метров падения. Он не думал о том, что может сломать ноги. Он не думал о том, куда пойдет без денег, документов и обуви. Он не думал о матери, спящей за стеной, которая выписала чек на его похищение. Он просто разжал пальцы и шагнул в темноту.

Глава 4. Сеть

Телефонный звонок в офис CAN в Чикаго редко оставался без ответа надолго. На столах дежурных волонтеров лежали стопки стандартизированных анкет, брошюры с пугающими заголовками и списки контактов, разделенные по штатам. Звонившие на эту горячую линию люди находились в состоянии

глубочайшего эмоционального кризиса. Чаще всего это были матери или отцы, чьи дети внезапно прервали учебу в престижном университете, изменили пищевые привычки, начали носить странную одежду или переехали в закрытую коммуну. Родители искали утешения, понимания и, главное, руководства к действию. И голос на другом конце провода неизменно предлагал им именно то, что они хотели услышать: абсолютную уверенность в том, что их ребенок стал жертвой зловещего заговора, и четкий, хотя и дорогостоящий, план спасения.

Так в восьмидесятых годах функционировала штаб-квартира Cult Awareness Network (CAN) — «Сети осведомленности о культах». То, что начиналось в предыдущем десятилетии как разрозненные, стихийные собрания растерянных родителей в подвалах приходских церквей, кристаллизовалось в мощную, централизованную национальную структуру. Старая CAN возникла из FREECOG и Citizen's Freedom Foundation, а затем оформилась как общеамериканская антикультовая организация

В конце семидесятых годов по всей территории Соединённых Штатов действительно появлялись локальные группы поддержки. FREECOG, основанная Тедом Патриком в 1971 году, была одной из ранних таких структур, а CFF, созданная в 1974 году, стала более широкой организационной рамкой. Однако очень быстро стало ясно, что локальных инициатив недостаточно. Чтобы влиять на медиа, на судебные споры и на общественное мнение в масштабах страны, требовалась более централизованная организация.

Создание CAN стало ответом на этот запрос. Организация выстроила классическую франчайзинговую модель. Центральный офис в Чикаго разрабатывал общую стратегию, печатал унифицированные информационные материалы, организовывал ежегодные национальные съезды и координировал работу десятков региональных филиалов. Местные отделения, в свою очередь, служили точками сбора информации и вербовки новых сторонников на местах.

Но под фасадом респектабельной некоммерческой организации, декларирующей своей целью «просвещение общества об опасности деструктивных групп», скрывался совершенно иной, теневой механизм. CAN функционировала как высокоэффективный диспетчерский центр, монополизировавший рынок услуг по насильственному извлечению людей из религиозных общин.

Механика этого процесса была отработана до автоматизма. Когда напуганный родитель звонил на горячую линию CAN, дежурный волонтер первым делом проводил психологическое профилирование. Звонившему задавали ряд наводящих вопросов, цель которых заключалась не в объективном анализе ситуации, а в подтверждении самых худших опасений. Любое изменение в поведении молодого человека — отказ от мяса, увлечение медитацией, пожертвование карманных денег общине — немедленно классифицировалось как неопровержимое доказательство того, что он находится под тотальным контролем.

Доведя родителя до состояния паники, представитель CAN переходил ко второму этапу. Он сообщал, что полиция и суды бессильны, поскольку они «связаны по рукам и ногам Первой поправкой». Единственный выход — обратиться к «специалистам по реабилитации» или «консультантам по выходу». За этими стерильными, профессионально звучащими терминами скрывались платные депрограммисты — люди, чьи методы включали слежку, похищение и многодневное психологическое насилие.

CAN никогда официально не оформляла договоры на похищение людей. Однако в реальности CAN выступала в роли эксклюзивного брокера. Организация связывала отчаявшихся родителей с конкретными бригадами депрограммистов, получая за каждую успешную рекомендацию солидный процент или так называемое «добровольное пожертвование». Это была идеальная бизнес-модель: депрограммисты получали неиссякаемый поток платежеспособных клиентов, готовых закладывать дома и брать кредиты ради спасения детей, а CAN обеспечивала себе стабильное финансирование, формально оставаясь в стороне от уголовных преступлений.

Насколько тесно переплетались респектабельный фасад CAN и криминальная изнанка депрограммирования, наглядно демонстрирует инцидент, произошедший в 1992 году. К этому времени Сеть достигла пика своего влияния, а ее представители регулярно выступали в Конгрессе и на национальном телевидении. Одной из ключевых фигур организации была Присцилла Коутс, занимавшая пост национального представителя CAN. Ее имя ассоциировалось с защитой прав семей и борьбой за психологическое здоровье молодежи.

В том же 1992 году известный депрограммист Рик Алан Росс, чья карьера к тому моменту уже изобиловала эпизодами силовых захватов, получил заказ на извлечение молодого человека по имени Дэвид Блок из общины «Ветвь Давидова». Операция по насильственному удержанию и психологической ломке Блока проходила не в безымянном мотеле на обочине шоссе. Она развернулась прямо в частном доме Присциллы Коутс. Национальный представитель крупнейшей «правозащитной» организации США предоставила свое личное жилище в качестве секретной тюрьмы для проведения незаконной операции. Этот факт, задокументированный в последующих расследованиях, полностью разрушает миф о том, что CAN лишь «предоставляла информацию». Руководство Сети не просто знало о похищениях — оно обеспечивало им логистическую базу и инфраструктуру.

Чтобы эта индустрия могла бесперебойно функционировать, ей требовалась постоянная подпитка в виде общественного страха. Страх генерировал звонки на горячую линию, звонки конвертировались в заказы для депрограммистов, а заказы приносили деньги. И главным инструментом по производству этого страха стали американские средства массовой информации.

В восьмидесятые годы медийный ландшафт США претерпевал значительные изменения. Появление круглосуточных кабельных новостных каналов и взрывной рост популярности дневных ток-шоу создали колоссальный спрос на сенсационный контент. Журналистам и продюсерам ежедневно требовались новые драмы, шокирующие откровения и четко очерченные конфликты между добром и злом. CAN предложила прессе идеальный продукт, упакованный и готовый к употреблению.

Организация выстроила очень эффективную экспертную инфраструктуру. Если в каком-либо штате небольшая религиозная группа покупала участок земли или открывала благотворительный центр, местный репортер, получив задание написать об этом статью, неизбежно сталкивался с проблемой нехватки времени. У него не было недель на то, чтобы изучать теологию группы, брать глубинные интервью у ее членов или анализировать финансовую отчетность. Ему нужен был экспертный комментарий к вечернему выпуску.

Репортер открывал телефонный справочник, находил номер CAN и звонил в Чикаго. Там его могли оперативно проконсультировать представители

организации. Пресс-служба организации нередко направляла журналистам справочные материалы о группах, которые CAN относил к «культам». В этом досье отсутствовал нейтральный академический анализ. Оно состояло из вырванных из контекста цитат, пугающих списков «признаков тоталитарного контроля» и контактов бывших членов группы (апостатов), которые уже прошли процедуру депрограммирования и были готовы дать эмоциональное интервью о пережитых ужасах.

Журналист получал готовую историю. Статья выходила с кричащим заголовком, в котором группа безапелляционно называлась «опасным культом», а в качестве авторитетного источника цитировался представитель CAN. На следующий день эту статью перепечатывали другие издания, ссылаясь уже не только на CAN, но и на первую публикацию. Телеканалы приглашали в студию тех же самых апостатов, чьи контакты предоставила Сеть. Возникал самоподдерживающийся цикл медийного воспроизводства одних и тех же антикультовых нарративов.

CAN в 1980-е и начале 1990-х стала одним из самых заметных и часто цитируемых анти-культовых источников информации о новых религиозных движениях для американских журналистов. Организация успешно претендовала на статус практического эксперта в публичном поле. Любая попытка самой религиозной группы опровергнуть обвинения нередко встречалась с большим недоверием общества, уже принявшего антикультовую рамку интерпретации. В результате в ряде публикаций формировался обвинительный медийный консенсус, в создании которого CAN играла заметную роль.

Однако на пути к абсолютному доминированию в информационном поле у CAN оставалось одно серьезное препятствие — академическая наука.

В университетах США работали многие квалифицированные социологи, религиоведы и антропологи, которые годами изучали новые религиозные движения, используя строгие эмпирические методы. Они проводили полевые исследования, собирали статистику, анализировали демографические данные. И выводы, к которым приходило академическое сообщество, в корне противоречили нарративу, который продавала CAN.

Ученые доказывали, что подавляющее большинство людей присоединяется к новым религиозным движениям абсолютно добровольно, находясь в поиске духовных альтернатив или социальной поддержки. Статистика неумолимо свидетельствовала о колоссальной текучести кадров в этих группах: например, в классическом исследовании Эйлин Баркер менее 10% первоначально вовлечённых в движение оставались в нём спустя примерно два года. Это полностью разрушало миф о непреодолимом «контроле сознания». Более того, социологи указывали на то, что обобщения о повышенной криминальности или патологичности всех новых религиозных движений не подтверждаются как универсальное правило и требуют изучения конкретных групп, а не стигматизирующей категории в целом.

Для CAN эти научные данные представляли смертельную проблему. Если общество поверит социологам, исчезнет страх. Если исчезнет страх, прекратятся звонки на горячую линию. Если прекратятся звонки, рухнет многомиллионная индустрия депрограммирования.

Осознав эту опасность, руководство CAN перешло к публичной дискредитации части академических исследователей НРД. Сеть не пыталась спорить с учеными на языке цифр и методологий — она часто переводила конфликт в плоскость моральных обвинений и подозрений в «сочувствии культам».

Был изобретен и внедрен в массовое сознание термин «апологет культов» (cult apologist). Любой профессор социологии или религиоведения, который осмеливался публично заявить, что конкретная группа не представляет угрозы для общества, рисковал быть публично атакованным и обвинённым в наивности, продажности или соучастии. CAN и другие анти-культовые активисты нередко ставили под сомнение независимость таких исследователей, в том числе намекая на их финансовую или идеологическую заинтересованность.

Вместо академических исследователей CAN начала агрессивно продвигать собственных «практиков». Логика, которую они транслировали через лояльных журналистов, звучала убедительно для обывателя: «Как может кабинетный профессор, читающий книжки, понять истинную природу культа? Чтобы понять

культ, нужно либо побывать в нем и вырваться, либо быть тем, кто спасает оттуда людей».

Эта антиинтеллектуальная риторика оказалась весьма эффективной. Апостаты, чьи воспоминания были искажены травматичным опытом депрограммирования, и сами депрограммисты, имеющие прямую финансовую заинтересованность в демонизации групп, были признаны обществом единственными легитимными экспертами. Академические ученые оказались вытеснены на обочину публичного дискурса. Их статьи публиковались в узкоспециализированных научных журналах, которые были несопоставимы по массовому охвату с телевидением и газетами, в то время как представители CAN не сходили с экранов телевизоров.

К началу девяностых годов Cult Awareness Network превратилась в влиятельную силу в американском антикультовом движении. Организация обладала разветвленной сетью филиалов, стабильным финансированием и значительным вниманием прессы. Организация проводила конференции и поддерживала контакты с общественными деятелями, а её представители стремились влиять и на медийную, и на правоохранительную повестку вокруг «культовой угрозы».

Организация создала самоподдерживающуюся систему. Она сама определяла, кто является врагом, сама формировала общественный страх перед этим врагом через дружественные медийные каналы и повторяющиеся сюжеты, и сама же продавала услуги по спасению от этого врага, будучи связанной с направлением людей к депрограммистам, которые взимали крупные гонорары за свои услуги. Любая критика извне блокировалась обвинениями в пособничестве сектантам.

Система CAN казалась абсолютно неуязвимой, обладая беспрецедентной поддержкой прессы, политического истеблишмента и напуганного общества, пока ее отработанные методы не столкнулись с федеральными правоохранительными органами в Техасе.

Глава 5. Пепел Уэйко

Ветер, гуляющий по бескрайним техасским прериям в начале весны 1993 года, нес с собой не только пыль, но и нарастающее ощущение неминуемой катастрофы. В нескольких милях от города Уэйко, на территории ранчо, известного как Маунт-Кармел, располагалась община «Ветвь Давидова». На протяжении десятилетий эта религиозная группа мирно существовала сравнительно обособленно от жизни больших городов. Ее члены, обычные американские граждане, изучали Библию, воспитывали детей, занимались сельским хозяйством и верили в скорое наступление апокалипсиса. Они не рассматривались государством как угроза национальной безопасности.

Однако к февралю 1993 года вокруг Маунт-Кармел начала стягиваться крупная группировка федеральных правоохранительных органов. Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия (на тот момент ATF, без нынешней аббревиатуры ATF&E) готовило крупную тактическую операцию. Вскоре к ним присоединится Федеральное бюро расследований (ФБР) со своим элитным подразделением — Группой спасения заложников (HRT). Против деревянных построек ранчо будут брошены бронемшины инженерного типа, вертолеты, сотни сотрудников и широкий набор спецсредств.

Как религиозная община превратилась в глазах американского правительства в опасную вооруженную цель правоохранительной операции? Ответ кроется не только в оружейных подозрениях и не только в теологии общины, но и в том, как информацию о группе интерпретировали следователи, журналисты, бывшие члены общины и представители антикультовой среды. Трагедия в Уэйко стала кульминационной точкой, в которой антикультовые представления о «сектах», ошибки силового планирования и неспособность всерьез учитывать религиозную мотивацию осажденных сошлись в катастрофе национального масштаба.

Механизм этой катастрофы был запущен задолго до того, как первый федеральный агент ступил на землю Техаса. Весной и летом 1992 года ATF начало официальное расследование, а специальный агент Дэйви Агилера сыграл в нем ключевую роль. Поводом для расследования послужили

подозрения в нарушении законодательства об огнестрельном оружии. Но фундамент этих подозрений строился не только на поставках оружейных компонентов и наблюдении, но и на интервью с бывшими давидианцами, конфиденциальными источниками и внешними консультантами, чья надежность позднее вызывала споры, а объективность и методы находились далеко за гранью закона.

Летом 1992 года, за несколько месяцев до начала активной фазы операции, произошло событие, которое определило весь дальнейший вектор отношения властей к общине. Рик Алан Росс, человек с судимостями в молодости, в том числе по делу о хищении ювелирных изделий, а впоследствии известный как депрограммист и антикультовый активист, по ряду источников участвовал в насильственном депрограммировании члена «Ветви Давидовой» Дэвида Блока. Блок был членом «Ветви Давидовой». Операция по его насильственному удержанию и психологической ломке проходила в доме Присциллы Коутс, высокопоставленного представителя антикультовой организации.

В ходе этого контакта, по критическим версиям, Росс получил от Блока сведения о якобы имеющихся на территории Маунт-Кармел огромных запасах нелегального оружия. Эту информацию от единственного, крайне сомнительного источника, Росс немедленно передал своим контактам в АТФ. Федеральное агентство, вместо того чтобы критически оценить мотивы информатора, чья карьера строилась на разжигании ненависти к религиозным меньшинствам, приняло эти данные.

Доктор философии Лоуэлл Д. Страйкер предельно точно охарактеризовал абсурдность этой ситуации в своем юридическом заявлении:

«Цитировать CAN и депрограммистов как экспертов по вреду от нетрадиционных религий — всё равно что ссылаться на лидеров Американской нацистской партии как на экспертов в вопросе, как еврейский контроль над банковской системой якобы вредит экономике США».

Но АТФ обращалось к людям из антикультовой среды и бывшим членам группы за информацией. Агенты начали выстраивать дело, опираясь на показания людей, имевших личные обиды на общину, и на консультации Рика Росса. Параллельно с подготовкой силового ведомства, антикультовые

активисты запустили классическую кампанию по медийной артподготовке. Их целью было представить давидианцев как крайне опасную группу, превратить их из сограждан в безликих, опасных фанатиков.

Двадцать седьмого февраля 1993 года, за день до запланированного рейда АТФ, газета *Waco Tribune-Herald* начала публикацию серии разгромных статей. Серия опиралась на бывших членов общины, местные источники и антикультовый контекст, и издание обвинило общину в физическом и психологическом насилии над детьми. Этот нарратив был запущен в печать несмотря на то, что официальная Служба защиты детей ранее дважды посещала ранчо Маунт-Кармел, проводила проверки и не нашла доказательств жестокого обращения с несовершеннолетними. Более того, сам Дэвид Кореш неоднократно предлагал сотрудникам правоохранительных органов лично приехать на ранчо, осмотреть оружие и проверить все лицензии.

Но факты больше не имели значения. В информационном пространстве был сформирован образ «сумасшедших сектантов, готовящихся к новому Джонстауну». Был вброшен и растиражирован миф о том, что община планирует массовое самоубийство. Эта ложь, сконструированная антикультистами, стала идеальным оправданием для применения силы. Если люди внутри — зомбированные фанатики, готовые убить себя и своих детей, значит, с ними нельзя договориться. Их можно только обезвредить.

Двадцать восьмого февраля 1993 года АТФ начало операцию «Шоутайм» — динамичное вооруженное вторжение на территорию ранчо. Рейд обернулся катастрофой. В ходе ожесточенной перестрелки, обстоятельства начала которой до сих пор вызывают споры, погибли четыре агента АТФ и шесть членов общины. Операция провалилась, и контроль над ситуацией перешел к ФБР. Началась осада, которая продлится пятьдесят один день и войдет в историю как одно из самых мрачных пятен на репутации американских правоохранительных органов.

С переходом командования к ФБР на территории Маунт-Кармел столкнулись две фундаментально разные парадигмы разрешения кризисных ситуаций. С одной стороны находились штатные переговорщики Бюро и специалисты по поведенческому анализу. Это были профессионалы, обученные понимать психологию людей, находящихся в осаде. Они быстро осознали, что

имеют дело не с террористами, а с религиозно мотивированной группой, чьи действия продиктованы их интерпретацией библейских текстов.

Внутренние документы ФБР того времени показывают: специалисты ведомства прекрасно понимали, что последователи «Ветви Давидовой» ожидают исполнения пророчества. Дэвид Кореш предсказывал, что группа подвергнется нападению и будет уничтожена в течение Пасхальной недели, которая в 1993 году приходилась на период с 6 по 13 апреля. Для переговорщиков это означало, что любое применение силы будет воспринято осажденными не как повод для сдачи, а как подтверждение пророчества, что лишь укрепит их решимость.

С другой стороны находилось тактическое командование Группы спасения заложников (HRT), которое находилось под плотным информационным влиянием внешних консультантов, включая предложения от Рика Алана Росса. Росс, не имевший ни академического образования в области религиоведения, ни опыта ведения переговоров в условиях вооруженного противостояния, контактировал и с ATF, и с FBI.

В то время как переговорщики ФБР пытались наладить диалог, Росс убеждал тактическое звено в том, что любые переговоры бессмысленны. Он транслировал базовый постулат антикультового движения: члены общины лишены свободы воли, их мозги промыты, они понимают только язык силы. Росс предлагал стратегии унижения и дискредитации Кореша перед его последователями, рассчитывая вызвать внутренний раскол; критики позже сравнивали эту логику с подходами депрограммирования.

Конфликт этих двух подходов достиг своего апогея в середине марта. Ученые-религиоведы, наблюдавшие за развитием ситуации с нарастающим ужасом, попытались вмешаться. Доктор Дж. Филипп Арнольд и профессор Джеймс Табор предложили ФБР элегантный и абсолютно бескровный выход из тупика. Используя теологическую систему координат самого Кореша, они разработали альтернативное толкование ключевых отрывков из Книги Откровения.

Доктор Арнольд выступил на местном радио с обсуждением Семи Печатей. Члены общины услышали этот эфир. Стив Шнайдер, правая рука Кореша,

связался с переговорщиками ФБР и сделал предложение, смысл которого сводился к серьезному богословскому обсуждению условий выхода. Кореш заявил, что ему нужно время, чтобы написать свое толкование Семи Печатей, и как только рукопись будет закончена, осада мирно завершится.

Это был реальный, осязаемый шанс спасти десятки жизней. Переговорщики ФБР видели, что диалог работает: к 23 марта благодаря их усилиям комплекс добровольно покинули 21 ребенок и 14 взрослых. Люди внутри стремились к мирному разрешению.

Но руководство ФБР, ослепленное антикультовой риторикой, не доверявшее религиозному объяснению происходящего и все больше склонявшееся к силовому сценарию, категорически отвергло этот вариант. Они не сделали богословский канал центральным инструментом переговоров. Они сочли теологические дискуссии уловкой «манипулятора». Вместо того чтобы прислушаться к академическим ученым и собственным профайлерам, Бюро выбрало путь эскалации.

Нэнси Т. Аммерман, профессор социологии религии Бостонского университета, входившая в состав экспертной комиссии Министерства юстиции США, подготовила резко критический анализ действий правоохранительных органов. В ее официальном отчете, опубликованном в сборнике «Рекомендации экспертов по совершенствованию федеральных правоохранительных органов после Уэйко», содержится исчерпывающая оценка того, как антикультисты манипулировали государством:

«Стенограммы допросов, проведённых ФБР, подтверждают, что Росс действительно был тесно связан как с ATF, так и с ФБР. Он, очевидно, имел самый широкий доступ к обоим агентствам из всех, кто входил в список «экспертов по культам», и к нему прислушивались более внимательно. Сотрудники ATF опрашивали тех, на кого он им указывал, и, очевидно, использовали информацию из этих интервью при планировании рейда 28 февраля. В конце марта Росс рекомендовал агентам попытаться унижить Кореша, надеясь таким образом посеять раздор между ним и его последователями. Агенты ФБР, очевидно, считали, что их попытки поставить Кореша в неловкое положение (рассказывая о его непоследовательности, недостатке образования, неудачах в качестве пророка и т. п.) приведут к

внутреннему расколу, который предсказывал Росс. Поскольку Росс успешно применял такую тактику к изолированным и осаждённым членам группы во время депрограммирования, он должен был предположить, что она сработает и в массовом порядке. Однако любой студент, изучающий психологию группового поведения, мог бы развеять это заблуждение. Но ФБР, очевидно, больше прислушивалось к этим стратегиям, связанным с депрограммированием, чем к советам учёных, которые могли бы объяснить динамику группы, находящейся в осаде. ФБР в своём докладе зафиксировало, что Росс «испытывает личную ненависть ко всем религиозным культам» и охотно помогает правоохранительным органам в «уничтожении сект». Примечательно, что в отчёте ФБР нет ни слова о многочисленных судебных разбирательствах, вызванных незаконными методами, которые использовал Росс в своих попытках «освобождения» людей из религиозных сообществ, к которым он испытывает ненависть. Тот факт, что агенты уделяли так много внимания Россу и почти полностью игнорировали академических специалистов по религии, ещё раз демонстрирует, что их суждения были предвзяты, а также показывает их готовность использовать антикультистские психологические тактики вместо конструктивных стратегий, признающих важность религиозных убеждений».

Приняв на вооружение тактику эскалационного давления, Группа спасения заложников ФБР развернула против граждан США полномасштабную психологическую войну, названную «эскалацией стресса». Каждый раз, когда члены общины шли на уступки и кто-то из взрослых выходил из здания, тактическое подразделение не снижало, а усиливало давление.

Тяжелые бронированные машины методично, день за днем, давили автомобили, принадлежащие давидианцам, превращая их имущество в искореженный металл прямо на глазах у владельцев. С наступлением темноты на деревянные стены комплекса направлялись ослепительные лучи мощных военных прожекторов, лишая людей сна. Круглосуточно через гигантские динамики транслировался оглушительный шум: крики кроликов, рев реактивных двигателей, тибетские мантры и поп-музыка на максимальной громкости.

Это была форма преднамеренного психологического давления, крайне спорная с этической и практической точки зрения. Переговорщики ФБР в

отчаянии наблюдали, как тактические командиры разрушают любые ростки доверия. Звуковое и световое насилие не способствовало сдаче; оно лишь убеждало осажденных в том, что снаружи находятся безжалостные агенты Вавилона, стремящиеся их уничтожить, в точном соответствии с пророчествами.

Параллельно с физической осадой продолжалась осада информационная. Антикультисты не сходили с экранов телевизоров, закрепляя в сознании нации образ давидианцев как нелюдей. Рик Росс, наслаждаясь своей властью, перешел к открытым провокациям в прямом эфире.

Десятого марта 1993 года доктор Парк Дитц, клинический профессор психиатрии и биоповеденческих наук Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, связался с командованием ФБР. Его звонок был криком о помощи здравого смысла. В «Докладе заместителю Генерального прокурора о событиях в Уэйко» этот эпизод зафиксирован с пугающей ясностью:

«Доктор Парк Дитц... связался с командованием ФБР в среду, 10 марта 1993 года, чтобы сообщить, что он видел телеинтервью на CNN с самопровозглашённым «экспертом по культам» Риком Россом. В этом интервью Росс заявил, что надеется, что Кореш окажется трусом, который предпочтёт написать книгу и продать права на экранизацию из тюрьмы, а не погибнуть. Дитц отметил, что подобное публичное приравнивание сдачи к трусости могло значительно осложнить переговоры, если бы Кореш увидел этот эфир».

Но машина уже не могла остановиться, предупреждение Дитца не изменило общей траектории кризиса. Росс и его коллеги продолжали нагнетать истерию вокруг вымышленной угрозы массового самоубийства. И это несмотря на то, что, как гласит тот же доклад:

«ФБР получало многочисленные достоверные свидетельства, опровергающие возможность самоубийства. Например, переговорщики неоднократно прямо задавали вопрос Корешу и его приближённому Шнайдеру, планируют ли они самоубийство, и каждый раз они категорически отрицали подобные намерения. Несколько членов «Ветви Давидовой», покинувших комплекс во время осады (Кэтрин Мэттсон, Кэти Шредер, Брэд Бранч, Аннетта Ричардс и Ливингстон Фэйган), заявили, что им ничего не известно о каких-либо планах или подготовке к массовому самоубийству. Кроме того, несколько

родственников давидианцев сообщили, что массовое самоубийство противоречит их религиозным убеждениям».

Игнорирование фактов в угоду идеологии привело к неизбежной развязке. Утром 19 апреля 1993 года после затянувшейся осады и на фоне нарастающего недоверия к переговорам руководство ФБР отдало приказ о начале финального штурма. Тяжелые инженерные танки пробили хлипкие деревянные стены комплекса. Через образовавшиеся бреши внутрь здания, где находились десятки женщин и детей, начали закачивать газ CS.

Использование этого химического вещества стало одним из самых спорных решений всей операции. Газ CS запрещен Конвенцией о химическом оружии для использования в боевых действиях против солдат противника. Но федеральные агенты применили его против собственных граждан, включая младенцев.

Воздействие газа CS на человеческий организм разрушительно. Даже в небольших дозах он вызывает невыносимое жжение в глазах и дыхательных путях, удушье и панику. В замкнутом пространстве, в тех концентрациях, такой газ может быть крайне опасен.

Джеймс Браннон, адвокат, впоследствии представлявший интересы семей трех погибших детей, выразил весь ужас произошедшего в одной фразе:

«Боже мой, пытаться младенцев и говорить, что это часть их работы?! И заявлять, что это нормально, потому что их родители были плохими?!»

Около полудня в разрушенном, заполненном газом здании вспыхнул пожар. Из-за сильного ветра и деревянных конструкций пламя распространилось с невероятной скоростью. Танки, пробившие стены, заблокировали часть выходов. Люди, ослепленные газом, задыхающиеся и дезориентированные, оказались в огненной ловушке.

В тот день в огне, от удушья и под обломками погибли 76 человек. Среди них были беременные женщины и 25 детей, включая младенцев и малышей младше трех лет. Всего же за время осады, начиная с первого рейда АТФ, жертвами стали 82 человека.

Последствия этой бойни задокументированы в отчетах судмедэкспертов округа Таррант. Когда обугленные останки доставляли в морг, их часто было крайне трудно идентифицировать. Им присваивали технические обозначения вроде «Mount Carmel Doe» и «МС Doe». Из-за сильнейших термических повреждений и фрагментации останков один мешок мог содержать фрагменты более чем одного человека.

Трагедия в Уэйко нанесла непоправимый удар по доверию американцев к собственному правительству. Она показала, насколько легко государственная машина может быть взломана и направлена против собственных граждан, если предварительно лишить этих граждан человеческого достоинства с помощью ярлыка «секта». Когда общество соглашается с тем, что определенная группа людей лишена свободы воли и разума, оно негласно выдает индульгенцию на их уничтожение.

В тот весенний день миллионы американцев замерли перед экранами своих телевизоров. В прямом эфире, транслируемом всеми национальными сетями, они наблюдали, как над тexasской прерией поднимаются густые, черные столбы дыма. Комплекс Маунт-Кармел догорал, превращаясь в братскую могилу для десятков людей, многие из которых были заперты внутри катастрофы, выросшей из медийной демонизации и силовых просчетов государства.

Камеры новостных вертолетов безжалостно фиксировали, как рушатся пылающие перекрытия, хороня под собой женщин и детей. А в это же самое время в уютных, кондиционируемых студиях кабельных каналов сидели те самые эксперты, чьи советы привели танки к стенам ранчо. Глядя на экраны мониторов, транслирующих смерть, они профессионально поставленными голосами объясняли ведущим, что правительство сделало все возможное. Они говорили о неизбежности трагедии, о фанатизме осажденных и о том, что виноват исключительно лидер культа, промывший мозги своим последователям. Ни один мускул не дрогнул на их лицах, когда они хладнокровно снимали с себя ответственность за пепел, медленно оседающий на землю Уэйко.

Глава 6. Архитекторы разума

Мягкий свет торшера освещал просторную гостиную типичного американского дома в пригороде Бостона. На диване, нервно сжимая чашку с остывшим кофе, сидела супружеская пара. Напротив них, в удобном кресле, расположился мужчина в хорошо скроенном костюме. У него был поставленный голос, уверенные манеры и блокнот, в котором он делал аккуратные пометки. В комнате не было ни заколоченных окон, ни крепких парней, готовых применить физическую силу, ни криков. Внешне происходящее напоминало сеанс уважаемой семейной психотерапии.

Но за этим фасадом благопристойности скрывалась всё та же индустрия, которая еще десятилетие назад выламывала двери и заталкивала людей в фургоны. Просто правила игры изменились.

К началу девяностых годов лидеры антикультового движения осознали, что открытое силовое депрограммирование стало юридически и репутационно слишком рискованным. Многомиллионные судебные иски от жертв похищений, растущее внимание правозащитников и категорический отказ академической науки признавать теорию «промывания мозгов» делали классическое силовое депрограммирование юридически опасным занятием. Индустрии, привыкшей к колоссальным доходам от напуганных родственников, требовался срочный ребрендинг. Ей нужна была новая терминология, новая методология и, самое главное, новая маска респектабельности, которая позволила бы обойти Первую поправку к Конституции США, не нарушая при этом Уголовный кодекс.

Так на смену криминальному «депрограммированию» пришло стерильное, профессионально звучащее «консультирование по выходу» (exit counseling) и «стратегическое вмешательство» (strategic intervention). Архитекторами этой трансформации стали люди, которые сами вышли из среды радикального антикультизма, но вовремя поняли, что будущее принадлежит не тем, кто вяжет узлы на запястьях, а тем, кто жонглирует психологическими терминами.

Одной из ключевых фигур этой новой эпохи стал Стивен Хассан. Его биография представляла собой идеальный маркетинговый инструмент для продажи антикультовых услуг. В молодости он состоял в Церкви объединения,

затем сам подвергся жесткому депрограммированию, после чего в конце 1970-х участвовал в ряде депрограммирований других людей. Однако Хассан оказался дальновиднее многих своих коллег по цеху. Понимая, что эпоха безнаказанных похищений подходит к концу, он решил интеллектуализировать процесс разрушения чужой веры.

Хассану требовалась теоретическая база, которая выглядела бы как научная концепция, но при этом не подпадала бы под жесткие критерии академической проверки, на которых ранее погорела теория «промывания мозгов». Результатом его работы стала так называемая модель ВІТЕ — аббревиатура, расшифровывающаяся как Behavior, Information, Thought, Emotion (Поведение, Информация, Мысли, Эмоции).

Модель ВІТЕ позиционировалась как универсальный диагностический инструмент, позволяющий определить, является ли та или иная группа «деструктивным культом». Хассан составил длинные списки критериев для каждой из четырех категорий. Например, в разделе «Поведение» признаком культа объявлялось регулирование диеты или одежды. В разделе «Информация» — рекомендация читать определенную литературу и избегать критических статей. В разделе «Мысли» — использование молитв, мантр или медитаций. В разделе «Эмоции» — внушение чувства вины за неблагочестивые поступки.

Гениальность и одновременно абсолютная антинаучность модели ВІТЕ заключалась в ее безграничной эластичности. Если применить эти критерии объективно, под определение «тоталитарного культа» немедленно подпадали бы католические монастыри, ортодоксальные иудейские общины, армейские подразделения, спортивные интернаты и даже строгие корпоративные культуры крупных технологических компаний. Любая организованная структура, требующая дисциплины и приверженности общим идеалам, могла быть пропущена через фильтр ВІТЕ и признана опасной.

Но модель создавалась не для объективного социологического анализа. Она создавалась как инструмент продаж. Когда обеспокоенные родители приходили к Хассану на консультацию, он открывал перед ними списки ВІТЕ. Родители, чье восприятие уже было искажено тревогой, неизбежно находили совпадения. Ребенок стал вегетарианцем? Это контроль поведения. Ребенок

читает только духовную литературу? Это контроль информации. Ребенок молится по утрам? Это контроль мыслей. Диагноз ставился мгновенно, и клиенту тут же предлагалось дорогостоящее «лечение».

Переход от физического насилия к психологическому давлению не сделал услуги антикультистов дешевле. Напротив, упаковка процесса в обертку «профессионального консультирования» позволила взвинтить цены до астрономических высот. Финансовая модель, выстроенная Хассаном и его коллегами, поражала своим цинизмом.

В отличие от старых депрограммистов, бравших фиксированную плату за похищение, новые «консультанты по выходу» работали по принципу открытого чека. Они продвигали идею «командных интервенций». Клиенту объясняли, что для успешного извлечения человека из группы недостаточно одного специалиста. Требуется целая команда: главный консультант, несколько бывших членов той же религиозной группы (для создания эффекта узнавания) и специалисты по безопасности.

Гонорары самого Хассена в этот период достигали беспрецедентных сумм. За один день работы он взимал от 2500 до 5000 долларов США. И это была только базовая ставка. Отдельно оплачивались часы подготовки, анализ литературы группы, транспортные расходы, проживание в гостиницах высшего класса и питание. Кроме того, каждый член «команды интервенции» также выставлял свой собственный счет.

Семьи, искренне верившие, что спасают своих близких от неминуемой гибели, шли на крайние меры. Они закладывали недвижимость, брали кабальные кредиты, полностью опустошали пенсионные накопления и фонды, отложенные на обучение младших детей. Известны случаи, когда итоговый счет за одну такую «интервенцию», длившуюся несколько дней, приближался к пятидесяти тысячам долларов.

Но самым страшным было то, что высокая цена не гарантировала ни безопасности, ни психологического благополучия жертвы. Методы «стратегического вмешательства» часто сводились к многодневной, изматывающей психологической осаде. Человека приглашали на семейный ужин или праздник, где он внезапно оказывался в окружении родственников и

нанятых консультантов. Ему блокировали выход из помещения (формально не применяя силу, но создавая непреодолимый психологический барьер из плачущих матерей и агрессивных «экспертов») и подвергали многочасовым допросам, бомбардировке негативной информацией о его вере и эмоциональному шантажу.

Последствия таких сеансов часто оказывались разрушительными. В официальных жалобах, которые впоследствии подавались на действия Хассана, задокументированы свидетельства глубочайших психологических травм. Один из бывших клиентов, чья семья потратила десятки тысяч долларов на услуги консультанта, оставил исчерпывающее описание этого опыта. Жалоба касалась как гонораров, так и сомнительного поведения Стивена Хассена в процессе консультирования бывшего члена культа. Хассен взял тысячи долларов, практически исчерпав сбережения своего клиента. Бывший клиент Хассена заявил, что консультации были даже хуже, чем сам счёт. Он охарактеризовал опыт взаимодействия с Хассеном как истощающий и травмирующий: «Я действительно чувствовал себя травмированным как во время, так и после терапии со Стивом Хассеном.» Впоследствии клиенту понадобилась профессиональная помощь, чтобы восстановиться после «лечения». По его словам, другие специалисты, к которым он обратился, называли методику Хассена «непрофессиональной и потенциально опасной».

Чтобы эта индустрия могла бесперебойно функционировать и оправдывать свои колоссальные гонорары, ей требовался постоянный приток «доказательств» того, что новые религиозные движения представляют смертельную угрозу. Академические ученые отказывались предоставлять такие доказательства, опираясь на объективную статистику. Поэтому архитекторы антикультизма создали собственный источник информации, который стал фундаментом всей их деятельности. Этим источником стали апостаты — бывшие члены религиозных групп, покинувшие их со скандалом и затаившие глубокую личную обиду.

Роль апостатов в формировании антикультового нарратива невозможно переоценить. Они стали главным сырьем для производства страха. Когда журналистам, политикам или обеспокоенным родителям требовались подробности о жизни внутри закрытой общины, антикультисты немедленно

предоставляли им отступника, готового рассказать леденящую душу историю о тотальном контроле, манипуляциях и разрушенных жизнях.

Однако социологическая наука давно и тщательно изучила феномен отступничества, придя к выводам, которые полностью разрушают миф об объективности таких свидетельств. Выдающийся британский социолог религии Брайан Р. Уилсон в своей фундаментальной работе «Отступники и новые религиозные движения» предельно четко сформулировал психологическую механику этого явления. Уилсон подчеркивал, что повествование апостата нередко формируется под влиянием потребности объяснить собственное прошлое и переложить ответственность на группу.

Когда человек проводит несколько лет в организации, а затем разочаровывается в ней, он сталкивается с тяжелым когнитивным диссонансом. Признать, что он добровольно потратил годы жизни на идеи, которые теперь кажутся ему ошибочными, невероятно больно для эго. Гораздо проще и психологически комфортнее принять позицию жертвы. Заявить: «Это не я совершил ошибку. Это они обманули меня, лишили меня воли и промыли мне мозги». Антикультовое движение предоставляло таким людям идеальную платформу для самооправдания, а взамен получало эмоционально заряженные истории, которые можно было монетизировать.

Массимо Интровинье, один из ведущих мировых специалистов по новым религиозным движениям, провел масштабное эмпирическое исследование, чтобы выяснить реальный процент отступников среди бывших членов религиозных групп. Результаты оказались поразительными. Изучив списки людей, покинувших эзотерическое движение во Франции, Интровинье обнаружил, что подавляющее большинство (более 71%) — это обычные люди, которые ушли спокойно, потеряв интерес к учению. Еще около 16% были просто недовольны определенными аспектами организации. И лишь 11,7% опрошенных демонстрировали поведение классических апостатов — агрессивную враждебность и желание уничтожить бывшую группу.

Более того, исследование выявило прямую корреляцию между агрессивностью отступника и его контактами с антикультовыми организациями. 70% тех, кто стал радикальным апостатом, активно взаимодействовали с антикультистами после своего ухода. Именно там их личное разочарование

профессионально конвертировалось в идеологическую ненависть. Им давали новый словарь: их учили называть свой опыт «пребыванием в плену», а свой уход — «побегом».

Интровинье блестяще резюмировал ценность таких свидетельств для объективного анализа:

«Принять всё, что сообщают апостаты, за «правду» о новом религиозном движении — всё равно что оценивать моральный облик разведённого человека по показаниям его разъярённого бывшего супруга».

Но для индустрии «консультирования по выходу» объективность не имела значения. Эмоции продавались лучше фактов. И никто не умел продавать эти эмоции эффективнее, чем Рик Алан Росс.

Если Стивен Хассан пытался придать своей деятельности флер психологической науки, создавая модели и публикуя книги, то Рик Росс представлял собой совершенно иной тип антикультового архитектора. Его карьера — это беспрецедентный пример того, как в Соединенных Штатах человек без малейшего профильного образования смог провозгласить себя экспертом национального масштаба и получить доступ к консультированию федеральных правоохранительных органов.

В отличие от академических религиоведов, годами изучающих теологию, древние языки и социологию в ведущих университетах мира, Рик Росс не известен как обладатель профильной академической степени в религиоведении, психологии или социологии религии. У него не было ни степени бакалавра, ни диплома психолога, ни лицензии социального работника. Его главным капиталом была абсолютная, непоколебимая уверенность в собственной правоте и виртуозное умение манипулировать средствами массовой информации.

Росс выстроил свою империю на агрессивном нетворкинге. Он создал собственный институт (Cult Education Institute), который по сути являлся гигантским архивом газетных вырезок, судебных исков и свидетельств апостатов, тщательно отфильтрованных для создания исключительно негативного образа сотен различных организаций. Он позиционировал себя как независимого аналитика и начал активно предлагать свои комментарии

телеканалам и газетам каждый раз, когда в новостях появлялось упоминание о каком-либо религиозном меньшинстве.

Журналистам, работающим в условиях жестких дедлайнов, было удобно звонить Россу. Он всегда был на связи, всегда говорил короткими, хлесткими фразами, идеально подходящими для телевизионных сюжетов, и никогда не утомлял репортеров сложными теологическими нюансами. Для Росса все было предельно просто: есть опасный лидер, есть зомбированные последователи, и есть он — эксперт, знающий, как их спасти.

Отсутствие академического образования Росс компенсировал агрессивной саморекламой. На своем сайте он с гордостью заявлял, что консультировал ФБР, Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия (АТФ), а также правительства Израиля и Китая. Он умалчивал о том, к каким катастрофическим последствиям привели его консультации в Техасе, предпочитая фокусироваться на самом факте своего допуска в высокие кабинеты.

Однако эта тщательно выстроенная иллюзия респектабельности и научности, созданная Хассаном, Россом и их последователями, неизбежно должна была столкнуться с суровой реальностью правовой системы. Одно дело — убеждать напуганных родителей на частной консультации или раздавать интервью на кабельных телеканалах, где ведущие не задают неудобных вопросов. И совершенно другое дело — выступать под присягой в федеральном суде, где напротив тебя сидят профессиональные адвокаты, чья работа заключается в разрушении твоей аргументации.

К середине девяностых годов антикультовые «консультанты по выходу» начали активно предлагать свои услуги в качестве свидетелей-экспертов в бракоразводных процессах и делах об опеке над детьми. Схема была стандартной: один из супругов, желая получить единоличную опеку, нанимал антикультиста, чтобы тот доказал суду, что второй супруг состоит в «деструктивном культе» и потому представляет опасность для ребенка. За эти показания эксперты получали колоссальные гонорары.

Переломный момент наступил в марте 1996 года в Окружном суде США по округу Массачусетс. Рассматривалось дело *Kendall v. Kendall*. Суть спора

сводилась к опеке над детьми, и сторона истца привлекла Стивена Хассана в качестве главного эксперта, который должен был доказать, что религиозные убеждения ответчика наносят непоправимый вред психике несовершеннолетних.

Хассан прибыл в суд во всеоружии. Он планировал представить свою модель ВІТЕ, рассказать о механизмах контроля сознания и выступить в привычной роли спасителя душ. Он рассчитывал на то, что судья, как и многие до него, будет впечатлен его уверенностью и обилием психологических терминов.

Но адвокаты защиты подготовились иначе. Они не стали вступать с Хассаном в теологические или психологические диспуты. Они решили атаковать сам фундамент его статуса — его квалификацию, научную обоснованность его методов и его финансовую заинтересованность.

Процесс перекрестного допроса превратился в методичное, безжалостное вскрытие антикультовой индустрии. Адвокаты шаг за шагом заставляли Хассана признавать факты, которые он предпочитал скрывать за фасадом профессионального консультирования. Они подняли историю отклонения отчета DIMPAC Американской психологической ассоциацией, доказав, что теории, на которые опирается Хассан, официально признаны научным сообществом несостоятельными. Они заставили его озвучить под присягой суммы его гонораров, продемонстрировав суду прямую коммерческую выгоду от навешивания ярлыка «культ».

Кульминацией этого юридического разгрома стало решение судьи, который должен был определить, соответствует ли Стивен Хассан стандартам, предъявляемым к экспертам в федеральных судах США.

В зале суда повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаг на столе стенографистки. Адвокат защиты, поправив очки, посмотрел на свидетеля, сидящего на трибуне, а затем перевел взгляд на судью.

— Ваша честь, — голос адвоката звучал ровно, без лишних эмоций, — мы ходатайствуем об исключении показаний мистера Хассана в качестве свидетеля-эксперта.

Судья кивнул, открывая папку с материалами дела.

— Мистер Хассан, — обратился судья к свидетелю. — Суд внимательно изучил представленные вами материалы и выслушал ваши показания относительно так называемого контроля сознания и деструктивных культов. Суд также принял во внимание тот факт, что вы взимаете двести долларов в час за подготовку к этому процессу и тысячу пятисот долларов в день за ваше присутствие здесь.

Хассан напряженно выпрямился в кресле, но промолчал.

— Согласно правилам доказывания, — продолжил судья, чей голос эхом разносился по залу, — экспертные показания должны базироваться на научных теориях и методологиях, получивших широкое признание в соответствующем профессиональном сообществе. Из материалов, представленных защитой, и из ваших собственных ответов на перекрестном допросе со всей очевидностью следует, что теории, на которые вы опираетесь, в частности работы Маргарет Сингер, были категорически отвергнуты Американской психологической ассоциацией.

Судья перевернул страницу.

— Вы не обладаете ни академической степенью в области религиоведения, ни признанным научным статусом, который позволил бы вам делать объективные социологические или психологические заключения о природе религиозных убеждений ответчика. Ваши методы не поддаются независимой эмпирической проверке. Ваша деятельность носит коммерческий, а не научный характер. В связи с этим суд постановляет: ходатайство защиты удовлетворить. Стивен Хассан отклоняется как эксперт-свидетель по данному делу. Его показания не будут приобщены к материалам и не будут учитываться при вынесении решения. Свидетель, вы можете покинуть трибуну.

Глава 7. Банкротство системы

К началу девяностых годов система, выстроенная вокруг индустрии принудительного извлечения людей из религиозных общин, достигла зенита

своего могущества. Cult Awareness Network (CAN) функционировала как влиятельная анти-культовая организация, заметная в глазах прессы, части общественности и сети родственников, обеспокоенных новыми религиозными движениями. Их горячие линии разрывались от звонков, их представители заседали в правительственных комиссиях, а финансовые потоки, генерируемые страхом, казались неиссякаемыми. Организация уверовала в собственную неуязвимость.

Однако история юриспруденции знает непреложный закон: когда структура, обладающая властью, начинает действовать вне правового поля, ослепленная чувством собственной безнаказанности, она неизбежно совершает фатальную ошибку. Для антикультового движения такой ошибкой стала потеря чувства границ. Отработав свои методы на маргинальных, малочисленных и экзотических группах, депрограммисты и их кураторы из CAN начали расширять радиус поражения. Они поверили, что ярлык «деструктивного культа» можно безнаказанно наклеить на любую организацию, чьи практики кажутся обывателю слишком строгими или непонятными.

Эта самоуверенность привела их в город Белвью, штат Вашингтон. Был январь 1991 года. Восемнадцатилетний Джейсон Скотт жил жизнью обычного американского подростка, с одной лишь оговоркой: он был глубоко верующим человеком. Джейсон состоял в местной общине «Скиния Жизни» (Life Tabernacle Church), которая являлась частью United Pentecostal Church International — одной из крупнейших и абсолютно легальных христианских деноминаций в Соединенных Штатах, насчитывающей миллионы последователей по всему миру. Пятидесятники известны своими эмоциональными богослужениями, строгими моральными правилами и консервативным подходом к одежде и поведению. Для миллионов американцев это была традиционная вера. Но для матери Джейсона, Кэтрин Тонкин, которая не разделяла религиозного рвения сына, его поведение казалось пугающим.

Находясь в состоянии тревоги, подогреваемой телевизионными ток-шоу об «опасных сектах», Кэтрин сделала звонок, который запустил цепь событий, навсегда изменивших правовой ландшафт Америки. Она позвонила на горячую линию Cult Awareness Network.

Дежурный консультант CAN, выслушав сбивчивый рассказ матери о том, что ее сын слишком много времени проводит в церкви и отказывается от мирских развлечений, не стал рекомендовать семейного психолога или теолога. Вместо этого организация задействовала свой стандартный, отработанный протокол. Кэтрин Тонкин была направлена к Рикку Алану Россу — человеку, чьи услуги по силовому извлечению верующих к тому времени уже рекомендовались через сеть CAN.

Операция по захвату Джейсона Скотта не отличалась изяществом. Вечером восемнадцатого января 1991 года молодой человек находился в квартире своей бабушки. Внезапно дверь распахнулась. В помещение ворвались трое крепких мужчин — нанятые Россом силовики Кларк Ротрофф, Марк Уоркман и Чарльз Симпсон. Они повалили восемнадцатилетнего парня на пол, заломили ему руки за спину и жестко зафиксировали запястья. Джейсон сопротивлялся, кричал и звал на помощь, но его крики были заглушены. Похитители протащили его по лестнице, бросили на пол ожидавшего на улице фургона и захлопнули двери.

Машина на огромной скорости покинула Белвью и направилась к побережью Тихого океана. Пунктом назначения был изолированный пляжный дом в городке Оушен-Шорс, штат Вашингтон. Там, вдали от посторонних глаз, под шум океанских волн, Рик Росс приступил к тому, что в прайс-листах антикультистов называлось «интенсивным консультированием».

На протяжении пяти долгих дней Джейсон Скотт находился в абсолютной изоляции. Его удерживали в комнате, лишая возможности связаться с внешним миром. Росс и его охранники подвергали молодого человека непрерывному психологическому прессингу. Они высмеивали его веру, оскорбляли пастора его церкви, требовали немедленного отречения от религиозных убеждений. Когда Джейсон пытался молиться или отказывался слушать оскорбления, в ход шли угрозы физического насилия. Охранники демонстрировали готовность применить силу при малейшей попытке к бегству.

На пятые сутки, доведенный до физического и нервного истощения, Джейсон понял, что прямая конфронтация приведет лишь к ужесточению режима. Он принял единственно верное тактическое решение — симулировал капитуляцию. Он начал соглашаться с аргументами Росса, изобразил раскаяние и заявил, что осознал «пагубность» своей церкви. Поверив в успешность своей

методики, депрограммисты ослабили бдительность. Во время поездки в ресторан, куда его вывезли в качестве «награды» за послушание, Джейсону удалось вырваться. Он добежал до ближайшего полицейского участка и написал заявление о похищении.

В любой другой ситуации дело закончилось бы стандартным уголовным процессом против исполнителей. Полиция арестовала Росса и его сообщников. Однако уголовный суд столкнулся с серьезным препятствием: адвокаты защиты виртуозно разыграли карту «материнской заботы». В уголовном процессе ключевым оказалось утверждение защиты, что Росс был нанят для депрограммирования, но физически Скотта удерживали другие, не находившиеся под его прямым контролем. В рамках уголовного права, где стандарт доказывания требует уверенности «вне разумных сомнений», эта эмоциональная защита сработала. Росс был оправдан по уголовным статьям.

Антикультовая индустрия вздохнула с облегчением, посчитав этот оправдательный приговор очередной индульгенцией. Они не подозревали, что настоящий удар будет нанесен с совершенно другой стороны.

Интересы Джейсона Скотта взял представлять Кендрик Моксон — адвокат, специализирующийся на защите гражданских прав. Моксон тщательно проанализировал историю предыдущих судебных исков против депрограммистов и выявил фундаментальную ошибку своих предшественников. Ранее жертвы похищений подавали иски исключительно против непосредственных исполнителей — людей вроде Росса или нанятых им охранников. Но эти люди часто не имели официальных активов, работали за наличные и в случае проигрыша просто объявляли о личном банкротстве, избегая выплат.

Моксон решил изменить саму парадигму юридической войны. Он понял, что бить нужно не по щупальцам, а по мозговому центру. Истинным виновником, архитектором и главным бенефициаром этой системы была организация Cult Awareness Network. Именно CAN обладала респектабельностью, именно CAN направляла клиентов к преступникам, и именно CAN аккумулировала на своих счетах миллионы долларов в виде пожертвований и скрытых комиссионных.

В 1994 году в Федеральный окружной суд США в Сиэтле был подан гражданский иск Jason Scott v. Rick Ross, Mark Workman, Charles Simpson, and Cult Awareness Network. В качестве ответчиков фигурировали не только Рик Росс и его охранники, но и организация Cult Awareness Network как юридическое лицо.

Юридическая стратегия Моксона строилась на концепции викарной ответственности (vicarious liability) и законе о сговоре с целью лишения гражданских прав. Адвокату предстояло доказать сложнейшую правовую конструкцию: CAN не была просто нейтральной информационной службой, как она заявляла в своих уставных документах. CAN являлась принципалом, который осознанно направлял агентов (депрограммистов) на совершение незаконных действий, зная об их криминальных методах и получая от этого выгоду.

Судебный процесс, начавшийся в сентябре 1995 года под председательством федерального судьи Джона С. Коугенора, превратился в анатомическое вскрытие всей антикультовой индустрии. Зал суда стал ареной, где респектабельный фасад CAN методично, день за днем, разрушался под тяжестью неопровержимых документальных доказательств.

На свидетельскую трибуну была вызвана Синтия Киссер, исполнительный директор Cult Awareness Network. Под присягой она попыталась выстроить классическую линию защиты организации: CAN якобы занимается исключительно просветительской деятельностью, предоставляет родителям информацию и никогда не рекомендует прибегать к насилию. По ее словам, если Рик Росс и нарушил закон, то это была его личная инициатива, к которой Сеть не имеет никакого отношения.

Но у Кендрика Моксона были документы. В ходе процесса перекрестного допроса адвокат представил суду внутренние меморандумы CAN, распечатки телефонных звонков и показания свидетелей, которые камня на камне не оставили от заявлений Киссер.

Суду были продемонстрированы доказательства того, что волонтеры горячей линии CAN регулярно и целенаправленно направляли отчаявшихся родственников к конкретным депрограммистам, известным своими силовыми

методами. Более того, выяснилось, что руководство CAN прекрасно знало о криминальном прошлом Рика Росса и о том, что его методы включают похищение и незаконное лишение свободы. Несмотря на это, Росс оставался одним из главных «рекомендованных специалистов» в закрытых списках организации.

Особое внимание присяжных привлек финансовый аспект. Моксон вскрыл теневую экономику антикультизма. Выяснилось, что депрограммисты, получавшие клиентов через горячую линию CAN, регулярно делали крупные «добровольные пожертвования» в фонд организации. Это была скрытая форма откатов за предоставление платежеспособной клиентуры. Некоммерческий статус CAN служил идеальным прикрытием для функционирования диспетчерского центра криминальных услуг.

Показания самого Джейсона Скотта стали эмоциональным ядром процесса. Молодой человек, одетый в строгий костюм, спокойным, ровным голосом рассказывал присяжным о пяти днях ужаса в пляжном домике. Он описывал, как его, совершеннолетнего гражданина США, лишили базового конституционного права на свободу передвижения и свободу вероисповедания. Его показания разрушили главный миф антикультистов о том, что они спасают «зомбированных сектантов». Перед присяжными сидел абсолютно адекватный, здравомыслящий молодой христианин, чья единственная вина заключалась в том, что он молился не так, как хотелось его матери.

Защита Рика Росса попыталась использовать старый аргумент о том, что Джейсону «промыли мозги» и он нуждался в спасении. Но судья Коугенор, опираясь на строгие стандарты допустимости научных доказательств в федеральных судах, пресек эти попытки. Псевдонаучные теории о контроле сознания не были допущены в качестве оправдания уголовного преступления. Суд четко обозначил: никакие теологические разногласия не могут служить основанием для похищения человека.

Двадцать девятого сентября 1995 года, после нескольких недель напряженных слушаний, присяжные удалились в совещательную комнату. Им предстояло ответить на фундаментальный вопрос: несет ли общественная организация ответственность за преступления, совершенные по ее наводке?

Вердикт присяжных прозвучал как гром среди ясного неба для всего антикультового истеблишмента. Жюри признало Рика Росса, его сообщников виновными в халатности, сговоре с целью лишения гражданских прав и умышленном причинении тяжкого эмоционального вреда (outrage).

Но главным потрясением стали суммы компенсаций. Присяжные не просто хотели наказать виновных — они хотели назначить такие санкции, которые имели бы и карательный, и сдерживающий эффект для подобных практик. Суд обязал ответчиков выплатить Джейсону Скотту 875 000 долларов в качестве компенсации фактического ущерба. Но к этой сумме были добавлены штрафные санкции (punitive damages) — специальный вид наказания в американском праве, применяемый за особо циничные и злонамеренные действия.

Рик Росс был оштрафован на 2,5 миллиона долларов. Организация Cult Awareness Network получила штраф в размере 1 миллиона долларов. Кроме того, Чарльз Симпсон и Марк Уоркман были оштрафованы на 250 000 долларов каждый. Общая сумма взысканий составила 4 875 000 долларов.

Для CAN этот вердикт стал смертельным приговором. Организация, имевшая разветвленную сеть контактов и заметное влияние, внезапно обнаружила, что ее финансовое положение стремительно ухудшается, а само имя CAN становится все более токсичным. Руководство Сети попыталось подать апелляцию, надеясь, что вышестоящая инстанция отменит или хотя бы снизит сумму штрафа.

Апелляционный суд девятого округа США рассмотрел дело и вынес свое решение 8 апреля 1998 года. Апелляционная инстанция оставила вердикт в силе, подтвердив, что CAN несла гражданско-правовую ответственность за создание системы, в которой поощрялись и финансировались нарушения гражданских прав. Суд постановил, что действия Росса и его сообщников «выходят за рамки всех возможных пределов приличия и являются совершенно невыносимыми в цивилизованном обществе». Апелляционная инстанция подтвердила, что CAN несла прямую ответственность за создание системы, в которой поощрялись и финансировались нарушения гражданских прав.

Не дожидаясь окончательного решения апелляционного суда, осознав неизбежность финансового краха, CAN сначала попыталась пройти через

реорганизацию в рамках банкротства, однако в июне 1996 года перевела дело в ликвидацию по Главе 7 Кодекса США о банкротстве. Эта процедура подразумевала не реструктуризацию долгов, а полную ликвидацию юридического лица с распродажей всех его активов.

Процесс ликвидации CAN обернулся беспрецедентной исторической иронией, которая до сих пор вызывает содрогание у ветеранов антикультового движения. Когда федеральный управляющий по банкротству выставил имущество организации на открытые торги, чтобы удовлетворить требования кредиторов, среди которых ключевое место занимало решение по делу Джейсона Скотта, на аукцион пришли те самые люди, которых CAN годами преследовала и демонизировала.

Победителем торгов стал адвокат Стивен Хейз, связанный с Церковью саентологии; покупка была профинансирована за счет частных пожертвований от сторонников религиозной свободы, среди которых активную роль играли саентологи. Они не стали покупать старую офисную мебель или подержанные компьютеры. Они купили самое ценное, что было у организации — ее интеллектуальную собственность. За несколько десятков тысяч долларов коалиция приобрела торговую марку «Cult Awareness Network», логотип организации, ее архивы и, что самое главное, номер национальной горячей линии.

В один день многолетняя империя страха перестала существовать. Когда обеспокоенные родители звонили по привычному номеру CAN, ожидая услышать голос диспетчера, который направит их к депрограммистам, им уже отвечали представители правозащитных организаций. Они вежливо объясняли звонящим принципы свободы вероисповедания, предлагали услуги профессиональных семейных медиаторов и предупреждали об уголовной ответственности за попытки насильственного удержания совершеннолетних граждан. База данных CAN, содержащая тысячи досье, сфабрикованных отчетов и контактов теневых специалистов, оказалась в руках тех, против кого она создавалась.

Дело Джейсона Скотта стало водоразделом в истории американской юриспруденции и социологии религии. Оно наглядно продемонстрировало, что Первая поправка к Конституции США — это не просто декларативный текст, а

реально работающий механизм, способный защитить граждан от агрессии самопровозглашенных спасителей. Судебный прецедент создал непреодолимый барьер для силового антикультизма. Ни одна организация больше не рисковала открыто рекомендовать услуги людей, практикующих физическое удержание. Риск получить многомиллионный иск за соучастие в похищении навсегда отбил желание финансировать и продвигать подобные операции.

Индустрия, построенная на похищениях, лишении сна и психологическом терроре, была обанкрочена — как морально, так и финансово. Архитекторы этой системы лишились своих офисов, своих бюджетов и своей монополии на истину.

В просторном зале Федерального окружного суда в Сиэтле царила звенящая тишина. Свет из высоких окон падал на полированные деревянные панели стола защиты, за которым сидели побледневшие руководители некогда всемогущей организации. Напротив них, выпрямив спину, сидел Джейсон Скотт — молодой человек, чья непоколебимая вера в закон разрушила многомиллионную криминальную империю.

Судья Джон С. Коугенор обвел взглядом присутствующих. В его руках находились бумаги, фиксирующие не просто финансовое взыскание, а окончательный крах целой эпохи. Эпохи, когда страх перед инакомыслием служил оправданием для насилия, а похищение человека цинично именовалось терапией.

Судья поднял деревянный молоток. В этот момент в зале не было ни телевизионных камер, ни кричащих заголовков. Была лишь сухая, неотвратимая констатация правосудия.

Молоток резко опустился на звуковую подставку. Глухой, тяжелый удар эхом разнесся по залу, навсегда запечатывая историю силового депрограммирования в Соединенных Штатах и знаменуя начало совершенно иной, скрытой фазы информационной войны.

Глава 8. Эхо-камера и новые мишени

Ржавеющие фургоны без окон, когда-то служившие мобильными тюрьмами для похищенных верующих, навсегда исчезли с американских улиц. Эпоха грубой физической силы, процветавшая в тени юридических лазеек, завершилась сокрушительным финансовым крахом главных операторов этого теневого рынка. Судебные прецеденты сделали силовое удержание человека не просто незаконным, но и экономически самоубийственным занятием. Казалось бы, индустрия, построенная на страхе и насилии, должна была исчезнуть, уступив место цивилизованному диалогу и правовым методам разрешения семейных конфликтов.

Но архитекторы нетерпимости не ушли на покой. Они просто сменили инструментарий. Лишившись возможности физически изолировать своих жертв в запертых комнатах мотелей, они осознали, что существует гораздо более эффективный, дешевый и абсолютно легальный способ уничтожения неудобных групп. Наступала эра глобальной сети, и антикультовое движение одним из первых поняло: чтобы сломать человека или целую организацию, больше не нужны веревки и наручники. Достаточно создать вокруг них информационный вакуум, заполненный концентрированной ненавистью.

На рубеже тысячелетий, когда интернет только начинал формировать новую социальную реальность, антикультовые активисты приступили к строительству беспрецедентной цифровой инфраструктуры. Их целью было создание герметичной эхо-камеры — пространства, в котором любой человек, ищущий информацию о конкретном религиозном меньшинстве, философской школе или коммуне, неизбежно сталкивался бы с монолитной стеной негатива.

Механика этого процесса была выверена с пугающей точностью. Создавались десятки взаимосвязанных веб-сайтов, форумов и электронных библиотек. На этих ресурсах публиковались тысячи страниц текста: вырванные из контекста цитаты, анонимные свидетельства «пострадавших», пугающие списки «признаков тоталитарного контроля» и псевдонаучные аналитические статьи. Благодаря агрессивной перекрестной ссылочной массе (когда сайты

ссылались друг на друга, искусственно повышая свой вес в поисковых системах), эти ресурсы быстро монополизировали первые страницы выдачи поисковиков.

Возник феномен устойчивого негативного информационного фона. Когда студент, заинтересовавшийся восточной философией, или молодая пара, решившая посетить собрание новой христианской деноминации, вводили название группы в строку поиска, они нередко прежде всего сталкивались с критическими сайтами, форумами и антикультовыми материалами, а не с нейтральными академическими исследованиями. На них обрушивалась лавина информации, кричащей об опасности, контроле сознания и разрушенных жизнях. Цифровая эхо-камера лишала группу права на самопрезентацию еще до того, как человек успевал переступить порог их центра.

Но виртуальная изоляция была лишь первым этапом. Настоящая разрушительная сила этого нового Механизма проявлялась тогда, когда цифровой террор перетекал в реальную жизнь, используя метод «вины по ассоциации» для социального уничтожения мишеней.

В начале 2000-х в США все чаще применялась новая тактика давления на участников малых религиозных общин. Вместо похищений и силового «депрограммирования» использовались анонимные кампании писем, звонков и жалоб работодателям, арендодателям и местным сообществам. Целью было разрушение его социальной среды: лишить работы, помещения для встреч и репутационной защиты.

Подобные кампании показывали, как работал обновленный механизм давления. Антикультистам больше не нужно было прибегать к похищениям или насильственному удержанию, чтобы заставить человека отказаться от веры. Они стремились превратить его в социального изгоя. Они создавали условия, при которых принадлежность к религиозному меньшинству могла означать угрозу потери работы, проблемы с арендой жилья или помещений для встреч и нарастающую социальную изоляцию. Это была форма социальной расправы, осуществляемая чужими руками, часто без прямого нарушения уголовного закона со стороны самих инициаторов кампании.

Однако социальная изоляция была лишь побочным продуктом более глубокого психологического процесса. Постоянная бомбардировка общества

негативными ассоциациями, культивируемая в цифровых эхо-камерах, начала давать все более опасные всходы. Информационное давление и моральная паника в отдельных случаях создавали атмосферу, в которой возрастал риск уже не только репутационного, но и физического насилия.

Специалисты в области когнитивной психологии и криминологии, анализируя влияние агрессивной медийной среды на поведение человека, выделяют специфический механизм неявной памяти. Информация, особенно эмоционально заряженная и пугающая, способна бессознательно влиять на поступки людей, которые даже не осознают этой взаимосвязи. Этот процесс получил название «пазловое кодирования».

Концепция пазлового кодирования объясняет, как из разрозненных информационных фрагментов в подсознании человека формируется устойчивая программа агрессии. Этот процесс не имеет ничего общего с прямыми призывами к насилию, которые легко блокируются правоохранительными органами. Пазловое кодирование действует тоньше, встраивая деструктивные установки в обход критического мышления.

Цикл дистресса, генерируемый СМИ и интернет-ресурсами, стал идеальным двигателем для индустрии страха. Исследования в области медиапсихологии показывают парадоксальную реакцию человеческой психики на пугающую информацию. Сталкиваясь с сообщениями о скрытой угрозе (например, о «сектах, похищающих разум»), человек испытывает тревогу. Пытаясь взять ситуацию под контроль и защитить себя, он начинает искать дополнительную информацию. Но поскольку информационное поле монополизировано эхо-камерой, каждый новый запрос выдает ему еще более ужасающие подробности. Страх не рассеивается, он многократно усиливается, загоняя человека в спираль паранойи.

В этой парадигме журналисты традиционных изданий часто становились невольными соучастниками криминального сговора. Репортер, получивший задание написать статью о местной религиозной группе, в условиях жесткого дедлайна редко проводил глубокое расследование. Он открывал интернет, натыкался на подготовленную антикультистами базу данных и брал оттуда самые кричащие, сенсационные цитаты. Статья выходила в уважаемом издании. А на следующий день антикультовые сайты с гордостью публиковали ссылку на

этот материал, заявляя: «Смотрите, даже независимая пресса подтверждает наши слова!». Круг замыкался. Ложь, повторенная многократно и отраженная от зеркал уважаемых СМИ, приобретала статус непреложной истины.

Последствия этой информационной войны выходили далеко за рамки испорченных репутаций. Формировалась атмосфера, в которой базовые конституционные права граждан ставились под сомнение просто на основании их принадлежности к определенной группе. Если общество убеждено, что некая организация состоит из фанатиков с промытыми мозгами, оно легко закрывает глаза на нарушение их прав. Полиция неохотно расследует акты вандализма против их собственности. Суды предвзято относятся к ним в гражданских спорах. Политики избегают любых контактов с ними, опасаясь за свои рейтинги.

Механизм дегуманизации, обкатанный в цифровом пространстве, доказал свою чудовищную эффективность. Он позволил небольшой группе идеологически мотивированных лиц манипулировать общественным мнением, разрушать бизнесы, ломать карьеры и провоцировать физическое насилие, оставаясь при этом в тени Первой поправки, гарантирующей свободу слова. Они научились использовать демократические институты для уничтожения самой сути демократии — права на инакомыслие и свободу совести.

Глядя на то, как легко и безнаказанно цифровые эхо-камеры стирают в порошок жизни отдельных людей и небольших общин, исследователи массовых коммуникаций начали задаваться пугающим вопросом. Технология пазлового кодирования, алгоритмы социального ostracism и методы создания безальтернативного негативного фона были доведены до совершенства на маргинальных группах. Но сам инструментариум абсолютно универсален. Ему безразлично, кто находится в прицеле — небольшая коммуна фермеров в Техасе или миллионная политическая партия.

Если этот информационный механизм способен, используя лишь страх и манипуляции поисковой выдачей, уничтожить небольшую общину и заставить обывателя бросить бутылку с зажигательной смесью в окно соседа, что произойдет, если его колоссальные мощности направить на целые социальные классы?

Глава 9. Теневая франшиза

Когда токсичный коммерческий продукт — будь то опасный медицинский препарат или канцерогенный пестицид — вытесняется с одного рынка судебными исками, общественным давлением и ужесточением регулирования, это далеко не всегда означает его исчезновение. Нередко он просто ищет новую юрисдикцию — менее защищенную, менее осторожную, менее готовую к сопротивлению. Нечто похожее произошло и с идеологией антикультизма.

К концу 1990-х годов в США теории, оправдывавшие насильственное “депрограммирование” и концепции “контроля сознания”, оказались серьезно дискредитированы как в судебной практике, так и в профессиональных психологических дискуссиях. Однако сами анти-культовые идеи и риторические инструменты не исчезли. В Европе они нашли новую институциональную среду. FECRIS была создана в Париже 30 июня 1994 года как общественная федерация анти-культовых ассоциаций. Во Франции же государственная анти-сектантская инфраструктура оформлялась поэтапно: сначала через межведомственный наблюдательный орган в 1996 году, затем через MILS в 1998 году и, наконец, через MIVILUDES, созданную в 2002 году. Именно в этом европейском контексте анти-культовый дискурс начал тесно взаимодействовать с государственными структурами.

Парадокс ситуации заключался в том, что часть европейских чиновников, декларировавших защиту прав человека и демократических ценностей, опиралась на концепции, которые к тому времени уже были серьезно дискредитированы в американской психологической и судебной среде. В ряде европейских антикультовых публикаций, в том числе связанных с полемикой вокруг FECRIS, постепенно проявился и антиамериканский мотив. Новые религиозные движения в этой риторике нередко описывались не как обычный социологический феномен, а как инструмент внешнего влияния, якобы исходящего из США. Такой тон хорошо иллюстрирует статья французского журналиста Брюно Фушера «Секты — троянские кони Соединённых Штатов в Европе», опубликованная в *Le Monde diplomatique* в 2001 году.

Именно на этот сюжет обращал внимание итальянский социолог религии Массимо Интровинье в полемическом тексте о FECRIS и её связях с репрессивными антирелигиозными практиками в России и Китае. Он отмечал, что даже спустя десятилетия в антикультовых материалах продолжали цитироваться работы, построенные на представлении о «сектах» как о «троянских конях» США в Европе.

Подобная риторика оказалась удобным мостом между европейским антикультовым дискурсом и более жесткими моделями религиозного контроля, развивавшимися восточнее. Если в Западной Европе этот язык обычно связывался с защитой секулярного порядка и общественной безопасности, то в постсоветской России сходный набор идей был встроен в иную политическую логику — логику ограничения религиозного плюрализма и укрепления привилегированного положения традиционных конфессий, прежде всего Русской православной церкви.

Одним из ключевых архитекторов антикультизма в России стал Александр Дворкин. Вернувшись в Россию из США в начале 1990-х годов, он оказался не просто транслятором американских антикультовых сюжетов, а посредником между несколькими традициями — американской и европейской. Его подход формировался не только под влиянием американской Cult Awareness Network и близкого ей дискурса, но и под воздействием немецких и других европейских авторов, прежде всего Фридриха-Вильгельма Хаака, а также Йоханнеса Огорда, на которого Дворкин сам ссылаясь как на одного из значимых предшественников. В России он не столько механически перенес готовую модель, сколько адаптировал уже существующий набор идей к постсоветской ситуации, где страх перед социальным распадом, религиозной конкуренцией и внешним влиянием создавал особенно благоприятную среду для подобной риторики.

Особую роль в этой адаптации сыграл язык. Дворкин сделал чрезвычайно влиятельным в российской публичной полемике выражение «тоталитарная секта», соединив религиозный ярлык с мощной политической ассоциацией. Для постсоветской аудитории слово «тоталитарный» несло не только описательную, но и эмоционально-историческую нагрузку, вызывая память о насилии, подавлении и несвободе. Именно поэтому термин оказался столь удобным

инструментом не академического анализа, а общественной мобилизации и стигматизации: он позволял заранее поместить религиозное меньшинство в символическое пространство угрозы.

С этого момента ярлык «тоталитарной секты» стал в России удобным инструментом публичной и административной стигматизации тех религиозных групп, которые не вписывались в рамки доминирующего церковно-государственного консенсуса. Формально он не выводил такие сообщества за пределы правового поля автоматически, но на практике позволял заранее помещать их в зону подозрения, где презумпция добросовестности начинала работать все хуже.

В 2006 году разрозненные инициативы действительно были институционализированы: Дворкин возглавил созданную 2 февраля 2006 года Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Сама ассоциация декларировала среди своих задач мониторинг новых религиозных движений, проведение экспертиз и содействие федеральным, региональным и муниципальным органам власти. Она стала одним из каналов, через которые антикультовый язык и экспертные схемы начали входить в бюрократическую и правоохранительную практику.

Интеграция антикультового дискурса с государственными институтами происходила не скрыто, а вполне публично: через конференции, экспертные советы, церковные и окологосударственные площадки, консультации и образовательные мероприятия. Представители этой среды выступали перед чиновниками, сотрудниками правоохранительных органов и другими профессиональными аудиториями, продвигая представление о «сектах» не просто как о религиозных меньшинствах, а как о социально опасных структурах. В таком контексте вопрос о свободе совести постепенно оттеснялся вопросом о безопасности, а язык прав превращался в язык профилактики угроз.

Один из ближайших соратников Дворкина, протоиерей Александр Новопашин, и сам описывал антисектантскую деятельность как часть миссионерского служения. В публичных выступлениях и интервью он последовательно представлял борьбу с «тоталитарными сектами» как разновидность церковной и общественной работы, а в 2006 году стал одним из вице-президентов РАЦИРС. Это особенно важно: в такой модели антикультизм

уже не выглядел внешним приложением к церковной деятельности, а становился ее органической частью — миссионерством, экспертизой и общественной мобилизацией одновременно.

Под прикрытием этого специфического «миссионерства» происходила профессиональная идеологическая накачка силовиков. Полицейским и следователям, не обладающим глубокими познаниями в религиоведении, выдавались готовые списки «врагов государства». Результатом этой работы стала трансформация правоохранительной системы: сотрудники, чьей прямой обязанностью была защита прав всех граждан, начинали воспринимать представителей религиозных меньшинств сквозь призму антикультовой паранойи.

Документальные свидетельства показывают, что инфраструктура российского антикультизма начала складываться задолго до официальной регистрации РАЦИРС. Уже в 2001 году в Нижнем Новгороде прошла масштабная конференция «Тоталитарные секты — угроза XXI века», в которой участвовали Александр Дворкин, протоиерей Дмитрий Смирнов и другие заметные представители церковной и антикультовой среды. Это была не только площадка для богословской полемики, но и важный момент институциональной координации.

Принятые на конференции документы показывают, что речь шла не просто об обмене мнениями, а о выработке общей программы действий. Участники описывали «тоталитарные секты» как угрозу семье, обществу и государству, настаивали на поддержке «традиционных, культуuroобразующих религий» и прямо говорили о необходимости создания антисектантских центров на епархиальном и приходском уровнях. Иначе говоря, уже тогда формировалась сеть, призванная влиять не только на церковную, но и на общественную и административную повестку.

В последующие годы этот язык все заметнее проникал в более широкий бюрократический и правовой оборот. Материалы конференции, обращения к органам власти и антисектантские публикации начинали использоваться в конфликтах вокруг религиозных организаций как элементы легитимации подозрений, проверок и ограничительных мер. В этом смысле антикультовый

механизм постепенно превращался не только в идеологию, но и в практический инструмент давления на религиозные меньшинства.

Антикультовый механизм превратился в чертеж по демонтажу гражданского общества. РАЦИРС активно участвовала в разработке репрессивных поправок к законодательству, которые впоследствии позволили объявлять мирные религиозные и философские объединения «экстремистскими организациями», бросая их последователей в тюрьмы на длительные сроки исключительно за чтение литературы или совместные молитвы.

Но амбиции этой структуры не ограничивались внутренними границами России. РАЦИРС, став полноправным и крайне влиятельным членом европейской федерации FECRIS (Александр Дворкин на протяжении длительного времени занимал пост вице-президента этой международной организации), начала использовать антикультовую сеть как инструмент геополитического влияния и прикрытия для операций спецслужб за рубежом.

Но амбиции этой структуры не ограничивались внутренними границами России. Через РАЦИРС и связанные с ней церковно-антикультовые центры российский антикультовый дискурс включался в более широкую международную сеть, важным узлом которой была FECRIS. Александр Дворкин в течение ряда лет занимал в этой федерации пост вице-президента, что усиливало его символический и организационный вес за пределами России.

На постсоветском пространстве и в Восточной Европе антикультовая риторика нередко пересекалась с пророссийскими общественными и церковными кругами. В Латвии, например, действовал Латвийский комитет по борьбе с тоталитарными сектами, связанный с FECRIS и возглавлявшийся Олегом Никифоровым и Виктором Ёлкиным. Сам по себе этот факт показывает, что антикультовая повестка служила удобной площадкой для консолидации идеологически близких сетей и для вмешательства в чувствительные общественные конфликты вокруг религии, идентичности и безопасности.

Похожие процессы наблюдались и в Украине, где антисектантская риторика стремилась выходить за пределы церковной полемики и воздействовать на чиновников, депутатов, образовательные учреждения и

силовую среду. Такой язык работал как инструмент влияния, позволяя представлять религиозные меньшинства не как носителей права на свободу совести, а как потенциальную угрозу государству и обществу. Апологетические центры, аффилированные с пророссийскими антикультовыми центрами, получали прямые инструкции по взаимодействию с Верховной Радой, местными советами и воинскими частями. В официальных документах этих центров открыто декларировалась задача «заниматься законотворчеством» и «вести просветительскую работу в подразделениях», что на практике означало формирование лояльной агентурной сети внутри украинского государственного и военного аппарата под предлогом защиты духовной безопасности от «западных сект».

Глобальная сеть, сложившаяся вокруг FECRIS, РАЦИРС и связанных с ней структур, породила один из самых мрачных парадоксов позднего антикультизма. Организации, декларировавшие защиту людей от психологического насилия и манипуляции, в ряде случаев становились международными защитниками репрессивной политики государств, грубо нарушавших свободу религии и совести.

Наиболее наглядно это проявилось в отношении к Китаю. Когда власти КНР развернули многолетнюю кампанию против последователей Фалуныгун, сопровождавшуюся массовыми арестами, сообщениями о пытках и серьезными международными обвинениями в насильственном извлечении органов у узников совести, значительная часть демократического мира реагировала осуждением и тревогой.

Именно в этот момент часть международной антикультовой среды начала играть для Пекина важную риторическую роль. Деятели, связанные с FECRIS и родственными структурами, участвовали в китайских анти-сектантских мероприятиях, публиковали тексты и делали заявления, фактически поддерживавшие официальный нарратив КНР о Фалуныгун как об «опасном культе» или *xie jiao*. Тем самым способствовали их идеологической легитимации на международной арене.

Эта близость строилась не только на политическом расчете, но и на общем языке подозрения. И китайские партийно-государственные анти-сектантские структуры, и российские, и часть европейских антикультовых деятелей были

склонны описывать нетрадиционные религиозные движения не как обычный социологический феномен, а как форму внешнего проникновения, дестабилизации и угрозы национальному суверенитету.

Этот абсурдный альянс достиг своего апогея в 2013–2014 годах, когда российская внешняя политика окончательно сбросила маску миролюбия. В то время как демократический мир пытался осознать масштабы надвигающейся угрозы и противостоять агрессии, высокопоставленные европейские политики, тесно связанные с антикультовым движением, продолжали лоббировать интересы Москвы.

Документы фиксируют и более тревожные пересечения. Французский политик Жорж Фенек, бывший президент MIVILUDES и впоследствии член её руководящего консультативного органа, в 2019 году входил в состав французской делегации, посетившей оккупированный Крым. Этот визит показывает, насколько тесно отдельные фигуры из этой среды могли пересекаться с политическими инициативами, выгодными Москве.

Похожая картина просматривается и в работе Парламентской ассамблеи Совета Европы. В 2011–2014 годах депутат Руди Саллес готовил доклад о «сектантских эксцессах» в отношении несовершеннолетних, а сама FECRIS позднее открыто заявляла, что внесла в эту работу собственный вклад, предоставляя информацию и рекомендуя экспертов. Часть французской антикультовой среды пыталась влиять на европейскую повестку через институциональные каналы Совета Европы.

Европейские чиновники, финансируемые из бюджетов своих демократических государств, де-факто превратились в агентов влияния тоталитарной системы. Они позволили Александру Дворкину и стоящим за ним силам использовать трибуны европейских институтов для легализации репрессивных практик.

Методология дегуманизации, обкатанная на небольших религиозных группах, доказала свою универсальность. Ярлык «секта» стал идеальным инструментом расчеловечивания любого оппонента. В России этот механизм был доведен до абсолюта: хасиды движения Хабад-Любавич демонизировались как «агенты США», в то время как в самих Соединенных Штатах зеркальные

пропагандистские сети называли их «экстремистами» и «агентами Путина». Истина больше не имела значения. Значение имела лишь способность приклеить ярлык, который автоматически отключал в обществе эмпатию и критическое мышление, давая зеленый свет насилию.

Глава 10. Разделенные штаты

Инструменты, созданные для разрушения, обладают пугающим свойством: они никогда не исчезают бесследно после того, как выполняют свою первоначальную задачу. Когда правовая система Соединенных Штатов в конце девяностых годов нанесла сокрушительный финансовый удар по индустрии силового депрограммирования, многим казалось, что эпоха искусственно сконструированной паранойи подошла к концу. Теневые структуры обанкротились, одиозные «эксперты» были с изгнаны из залов федеральных судов, а практика похищения людей ради изменения их убеждений была маргинализирована.

Но антикультовый механизм, оттачивавший свои шестеренки на протяжении десятилетий, не был уничтожен. Он лишь затаился, ожидая новой, гораздо более масштабной питательной среды. И эта среда сформировалась в начале двадцать первого века, когда американское общество столкнулось с беспрецедентным политическим кризисом.

То, что начиналось в семидесятых годах, вернулось бумерангом, чтобы ударить по самому фундаменту американской государственности. Риторика дегуманизации, обкатанная на малочисленных религиозных меньшинствах, вырвалась за пределы теологических споров и заразила кровеносную систему национальной политики. Ярлыки «культ», «секта» и «промытые мозги», когда-то служившие оправданием для изоляции отдельных граждан, превратились в главное оружие массового политического поражения.

Трансформация политического дискурса произошла не в одночасье. Она стала результатом глубокого когнитивного кризиса, охватившего традиционные

средства массовой информации и политический истеблишмент. С 2016 года политический ландшафт США претерпевал тектонический сдвиг. Здесь на сцену вновь вышли ветераны антикультового движения, чьи методы оказались идеально подходящими для новой эпохи.

В американском медиапространстве заметно усилился интерес к языку «культа» как к способу описания политической лояльности. Одной из самых заметных фигур этого ренессанса стал Стивен Хассан — популяризатор теорий о «контроле сознания» и «недолжном влиянии», чьи подходы на протяжении десятилетий вызывали серьезную критику со стороны части исследователей и не раз сталкивались с настороженным отношением в американской судебной среде. В 2019 году он выпустил книгу *The Cult of Trump*, благодаря которой его идеи получили новую, гораздо более широкую аудиторию.

Выход этой книги ознаменовал новый этап в популярной психологизации американской политики. Хассан, чья профессиональная биография была связана прежде всего с антикультовой средой, консультированием и теориями «контроля сознания», перенес свою модель BITE — контроль поведения, информации, мышления и эмоций — из сферы религиозных движений в сферу массовой политики. В книге *The Cult of Trump* этот инструментарий был применен уже не к отдельной закрытой группе, а к широкому политическому движению, сформировавшемуся вокруг Дональда Трампа.

Крупные американские медиа охотно дали этой рамке новую аудиторию. После выхода книги Хассан стал заметным комментатором в национальном эфире, включая CNN, где обсуждал Трампа и его сторонников через язык «культа» и «контроля сознания». Так политический конфликт все чаще начинали описывать не только как борьбу идей и интересов, но и как форму массового психологического подчинения.

Механика этой подмены понятий была виртуозной в своей разрушительной простоте. Антикультисты применили к политическим лидерам классический метод «вины по ассоциации». В эфирах национальных новостей действующего президента и его окружение начали напрямую сравнивать с самыми мрачными фигурами в истории деструктивных движений. Дональда Трампа ставили в один ряд с Джимом Джонсом, чье имя навсегда связано с трагедией в Джонстауне, и Дэвидом Корешем.

Эта риторическая уловка преследовала одну четкую цель: создать в массовом сознании неразрывную связь между политическим выбором и массовым самоубийством. Если лидер политической партии — это Джим Джонс, то его избиратели — это не граждане, реализующие свое конституционное право на демократический выбор. Они — зомбированные фанатики, готовые выпить отравленный напиток по первому приказу.

Психологические последствия применения антикультовых ярлыков к десяткам миллионов людей оказались катастрофическими. Демократия, как система управления, базируется на одном фундаментальном допущении: ваш политический оппонент является разумным субъектом. Вы можете ненавидеть его взгляды, вы можете считать его экономическую программу губительной, а его моральные принципы — ошибочными. Но до тех пор, пока вы признаете за ним статус человека, обладающего свободой воли, между вами возможен диалог. Возможны дебаты, компромиссы и, в конечном итоге, мирная передача власти.

Ярлык «промытых мозгов» уничтожает эту базовую презумпцию разумности. Когда вы искренне верите, что сознание вашего соседа, коллеги или родственника захвачено деструктивным культом, диалог теряет всякий смысл. Вы не ведете переговоры с вирусом. Вы не обсуждаете налоговую политику с человеком, чья личность, по вашему мнению, стерта и заменена чужеродным кодом.

В результате американское общество столкнулось с полной, парализующей остановкой гражданского диалога. Социальные связи, которые выдерживали испытания экономическими депрессиями и внешними войнами, начали рваться на микроуровне. Феномен «отмены» (cancel culture) и разрыва отношений внутри семей приобрел черты эпидемии. Люди начали применять тактику «жесткой любви» и изоляции, которой антикультисты когда-то обучали родителей подростков, ушедших в коммуны, к своим собственным родителям, братьям и сестрам исключительно на основании их электоральных предпочтений.

Но Механизм никогда не останавливается на достигнутом. Дегуманизация — это лишь подготовительный этап. За ним неизбежно следует легитимизация насилия.

Когда общество убеждают в том, что значительная его часть превратилась в безвольную, управляемую извне массу, угрожающую самому существованию государства, радикальные меры начинают казаться не просто допустимыми, но и морально необходимыми. В 2021 году, на фоне политического кризиса после событий 6 января, антикультовая риторика в американском публичном пространстве достигла нового пика. В эфире CNN Стивен Хассан заявил: *“all of America needs deprogramming because we’ve all been negatively influenced by Donald Trump”* (“Всей Америке необходима депрограммировка, потому что на всех нас негативно повлиял Дональд Трамп”). Сам факт этой фразы показателен: язык, исторически связанный с антикультовой средой, был перенесен в центр массовой политической дискуссии.

Эта цитата является квинтэссенцией тоталитарного мышления, упакованного в обертку психологической заботы. Термин «депрограммирование», как мы знаем из истории, никогда не означал мирной беседы за чашкой кофе. Исторически и практически депрограммирование — это процесс, требующий принудительного удержания, лишения свободы, физического контроля и многодневного психологического насилия, направленного на слом личности.

Призвать к «депрограммированию всей Америки» — значит концептуально оправдать создание системы массового идеологического перевоспитания. Это логика инквизиции, где спасение души оправдывает пытку тела. Когда самопровозглашенные эксперты заявляют, что десятки миллионов граждан находятся в состоянии «гипнотического подчинения», они фактически требуют лишить этих граждан политической субъектности.

После 6 января эта рамка получила заметное распространение в медиа: часть комментаторов и авторов начала описывать трампистское движение не только через язык экстремизма и радикализации, но и через категории “культа”, “промывание мозгов” и “контроля сознания”. Это не стало единственной интерпретацией событий, но стало важной частью нового дискурса, в котором политическая преданность все чаще психологизировалась

Опираясь на историю в их понимании означало применять лекала борьбы с культами к политическому кризису. Участники беспорядков были лишены статуса политических бунтовщиков или преступников, совершивших

осознанный выбор. Их превратили в жертв контроля сознания, биороботов, выполнявших заложенную в них программу.

Парадокс этой ситуации заключается в том, что, снимая с людей личную ответственность за их действия и списывая все на «промывание мозгов», антикультовая риторика одновременно делает их абсолютно бесправными. Если человек не контролирует свой разум, он не может быть полноправным членом общества. Он становится объектом, требующим «лечения» — лечения, методы которого определяют те самые эксперты, что поставили диагноз.

Однако было бы глубоким заблуждением считать, что Механизм ненависти работает только в одном политическом направлении. Вирус дегуманизации не имеет партийной принадлежности. Как только леволиберальный истеблишмент нормализовал использование терминов «культ» и «промытые мозги» против консерваторов, правый фланг немедленно взял на вооружение точно такой же инструментарий.

Консервативные медиа, политики и лидеры мнений начали зеркально применять антикультовую риторику против своих оппонентов. Движения за социальную справедливость, экологические инициативы и академические круги были немедленно заклеены как «культ воукизма» (woke cult). Левых активистов начали описывать как людей с «промытыми марксизмом мозгами», лишенных критического мышления и слепо подчиняющихся догмам новой радикальной религии.

Американское общество оказалось в ловушке идеальной, симметричной эхо-камеры. Две половины страны смотрят друг на друга и видят не сограждан, не политических оппонентов, а опасных сектантов, чье сознание захвачено враждебными силами.

В этой атмосфере тотальной взаимной дегуманизации политическое насилие перестает быть аномалией и становится статистической неизбежностью. Когда информационное пространство ежедневно, ежечасно бомбардирует подсознание граждан сообщениями о том, что их соседи — это экзистенциальная угроза, срабатывает эффект пазлового кодирования. Накопленный дистресс, помноженный на абсолютную уверенность в

нечеловеческой природе оппонента, неизбежно находит выход в физической агрессии.

Покушения на политических лидеров, рост числа преступлений на почве ненависти, массовые беспорядки и готовность граждан применять оружие против инакомыслящих — все это прямые следствия того, что общество разучилось видеть в оппоненте человека. Механизм стигмы, изначально созданный небольшой группой предприимчивых циников для изоляции маргинальных меньшинств и выкачивания денег из их семей, эволюционировал в идеальную машину по производству гражданской войны.

Трагедия Соединенных Штатов заключается в том, что страна, чья конституция была написана как один из наиболее влиятельных исторических проектов, закрепляющих принципы плюрализма и свободы совести, в определенные периоды позволяла общественным страхам и моральным паникам существенно влиять на восприятие религиозного многообразия. Отцы-основатели предполагали, что общество будет состоять из множества конкурирующих фракций, чьи интересы будут балансировать друг друга через сложную систему сдержек и противовесов. Но эта система работает только тогда, когда фракции признают право друг друга на существование. Антикультизм уничтожил это право, заменив сложную, многоцветную реальность демократического процесса примитивной черно-белой картиной, где есть только «мы» (здоровые, свободные) и «они» (больные, запрограммированные).

Интеллектуальная капитуляция перед псевдонаучными концепциями контроля сознания обошлась Америке слишком дорого. Позволив однажды нарушить права немногих ради иллюзорного чувства безопасности, общество создало прецедент, который в итоге поглотил всех. Те самые методы социальной изоляции, информационного бойкота и психологического давления, которые в восьмидесятых годах применялись к членам небольших коммун, теперь применяются корпорациями к своим сотрудникам, университетами к своим профессорам и гражданами к своим соседям.

Мы наблюдаем финальную стадию работы Механизма ненависти. Он больше не нуждается в централизованных организациях, горячих линиях или платных консультантах. Он стал самовоспроизводящимся. Он встроился в алгоритмы социальных сетей, в редакционные политики телеканалов и в

повседневный словарь миллионов людей. Он научил американцев ненавидеть друг друга с чистой совестью, искренне веря, что эта ненависть продиктована заботой о психологическом здоровье нации.

Именно поэтому эта книга — не только о культах и не только об антикультизме. Она о том, как современное общество учится лишать человека достоинства, не прибегая к открытой диктатуре; как язык заботы превращается в язык исключения; как страх, однажды узаконенный в отношении меньшинства, неизбежно становится универсальным политическим инструментом. Стоит лишь признать какую-либо категорию людей недостаточно разумной, недостаточно свободной или недостаточно человеческой, и вслед за этим всегда приходят цензура, изоляция, насилие и оправдание насилия.

Поэтому главный вопрос в том, имеет ли свободное общество право уничтожать свободу совести под предлогом защиты общества и борьбы с чужой иррациональностью. Если ответ на этот вопрос хотя бы однажды становится положительным, то жертвой рано или поздно становится уже не только группа, названная “сектой”, а сама свобода.

И тогда руины судеб, сломанные семьи, разрушенные репутации и миллионы искалеченных жизней оказываются не побочным эффектом системы, а ее самым точным портретом.